

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

**Малахов В.С., Тимошкин Д.О., Летняков Д.Э.,
Симон М.Е., Мотин А.С.**

**Семьи мигрантов в индустриально развитых странах:
новые измерения проблемы интеграции**

Москва 2019

Аннотация. Несмотря на появление новых возможностей, которые предоставляет миграционный прирост населения, правительства принимающих стран не могут не осознавать возможные риски: в частности, подъем националистического популизма как реакции на рост этнокультурного разнообразия. Практика показывает, что наиболее уязвимой категорией населения с точки зрения адаптации к новым социальным реалиям являются так называемые «мигранты второго поколения» – дети, выросшие в семьях мигрантов. Родившиеся на территории европейских стран, но испытывающие на себе взгляд как на чужаков со стороны представителей принимающих обществ, дети из таких семей нередко оказываются подвержены социальной депривации. В России мигранты второго поколения в настоящее время только вступают в социальную жизнь, и поэтому тщательное изучение накопленного европейскими странами опыта в деле интеграции этой категории населения имеет особое значение.

В работе прослеживается эволюция подходов к социальному инкорпорированию иммигрантов второго поколения; анализируются механизмы обеспечения «входа» в систему общественных институтов; выявляется, какие культурные и религиозные практики выступают скорее «барьером» на пути к гражданской интеграции, а какие, напротив, ей способствуют; очерчивается российский институциональный контекст социализации иммигрантов второго поколения.

Ключевые слова: второе поколение мигрантов, интеграция мигрантов, аккомодация этнокультурных различий, бесконфликтное общежитие, культурные меньшинства, предотвращение конфликтов.

Annotation. Despite the new demographic opportunities coming from the migration inflow, the governments of the receiving countries cannot but realize the possible risks. In particular, this is the rise of nationalist populism as a reaction to the growth of ethnocultural diversity. The most vulnerable category of the population in terms of adaptation to new social realities is the so-called “second generation of migrants” - children who grew up in migrant families. Born in European countries, but often being perceived as aliens by the host societies, children from such families are often susceptible to social deprivation. In Russia, migrants from the second generation are only entering social life. Therefore, a thorough study of the European experience migrant’s children integration is of particular importance.

The paper traces the evolution of approaches to the social incorporation of second-generation immigrants; analyzes the mechanisms for ensuring the “entrance” into the system of public institutions; reveals which cultural and religious practices function more likely as a “barrier” to civil integration, and which, on the contrary, contribute to it; outlines the Russian institutional context of the socialization of second-generation immigrants.

Keywords: second generation of migrants, integration of migrants, accommodation of ethnocultural differences, convivial culture, cultural minorities, conflict prevention.

Малахов В.С. директор Центра теоретической и прикладной политологии ШППУ ИОН Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Тимошкин Д.О. лаборатория исторической и политической демографии Иркутский государственный университет,

Летняков Д.Э. научный сотрудник Центра теоретической и прикладной политологии ШППУ ИОН Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Симон М.Е. ведущий научный сотрудник Центра теоретической и прикладной политологии ШППУ ИОН Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Мотин А.С. младший научный сотрудник Центра теоретической и прикладной политологии ШППУ ИОН Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2018год

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
1 Опыт западноевропейских стран в деле интеграции мигрантов второго поколения: наднациональное, национальное и локальное измерения	8
2 Образовательные институты как ключевая сфера интеграции	16
2.1 Интеграция детей мигрантов в образовательной системе стран-членов ЕС	16
2.2 Особенности российской ситуации со школьным образованием детей мигрантов.....	22
3 Гендерный аспект интеграции семей мигрантов: положение женщин-мигранток в системе институтов принимающих стран	26
3.1 Проблемы и трудности, с которыми сталкиваются женщины-мигрантки на рынке труда	27
3.2 Политика интеграции женщин-мигранток в Канаде	31
3.3 Политика интеграции женщин-мигранток в Греции	32
4 Новые траектории интеграции мигрантов в систему общественных институтов.....	34
4.1 Детское образование и переопределение «легальности».....	41
4.2 «Бумажные браки» и сказки об ущемлении: бизнес в «мигрантских» интернет- сообществах	43
5 Специфика российского контекста социализации семей мигрантов.....	51
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	85
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	91
ПРИЛОЖЕНИЕ А	98

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на появление новых возможностей, которые предоставляет миграционный прирост населения, правительства принимающих стран не могут не осознавать возможные риски: в частности, подъем националистического популизма как реакции на рост этнокультурного разнообразия. Отсюда проистекает важнейший вопрос повестки дня: как сделать так, чтобы выходцы из мигрантской среды стали составной частью общества? Практика показывает, что наиболее уязвимой категорией населения с точки зрения адаптации к новым социальным реалиям являются так называемые «мигранты второго поколения» – дети, выросшие в семьях мигрантов. Родившиеся на территории европейских стран, но испытывающие на себе взгляд как на чужаков со стороны представителей принимающих обществ, дети из таких семей нередко оказываются подвержены социальной депривации. Это делает их восприимчивыми к радикальным взглядам, а в наихудшем случае – индоктринации со стороны радикальных организаций. Вряд ли будет преувеличением утверждать, что от способности принимающих стран решить вопросы инкорпорирования мигрантов второго поколения в систему общенациональных институтов зависит не только их собственное будущее, но и глобальная стабильность. В России мигранты второго поколения в настоящее время только вступают в социальную жизнь, и поэтому тщательное изучение накопленного европейскими странами опыта в деле интеграции этой категории населения имеет особое значение.

Потомков мигрантов – так называемое «второе поколение» – с аналитической точки зрения непродуктивно интерпретировать как продолжателей культурной традиции, носителями которой являются их родители. Межпоколенческие конфликты в среде потомков мигрантов не менее (а зачастую и более) остры, чем среди местного населения. «Молодежные бунты», периодически вспыхивающие в пригородах европейских городов с высокой концентрацией мигрантского населения, не следует рассматривать сквозь призму культурного конфликта – культурной несовместимости. Агенты этих бунтов *не предлагают принимающему сообществу альтернативной культурной модели*. Напротив, их критика *принимающего сообщества базируется на обвинении последнего в недостаточной приверженности* той системе норм и ценностей, которую оно само провозгласило. Речь идет, прежде всего, о ценностях Просвещения и нормах демократии – равенстве, правах человека, уважении к человеческому достоинству и т.д. Причины конфликта в данном случае кроются в социальном исключении, которому подвергается данная категория населения. Это исключение проявляется в условиях жизни в

депрессивных пригородах¹, «географической стигматизации», а также систематичной дискриминации со стороны полиции.

Таким образом, природа обозначенных конфликтов скорее социально-классовая, чем культурная или религиозная, хотя их артикуляция может происходить в этнических или культурно-религиозных терминах – «арабы», «мусульмане», «цветные», «представители неевропейских культурных ареалов». Непонимание природы этих конфликтов ведет к их «культурализации», что в свою очередь может повлечь за собой неверные управленческие решения. В частности, фокусировку внимания властей на символической политике, проявляющейся в организация круглых столов, этнических фестивалей и тому подобных мероприятий, нацеленных на «развитие межкультурного диалога». Эта политика построена в соответствии с формулой «диалога культур», которая представляет собой не что иное, как вывернутую наизнанку формулу «конфликта культур». Проблематичность ее использования заключается в переключении внимания с глубинной проблематики, каковой является *социальное исключение*, на внешнюю – лежащие на поверхности (суб)культурные различия. Культура выходцев из мигрантской среды во многих отношениях мало отличается от культуры местного населения, поскольку она порождена условиями жизни в массовом потребительском обществе. Продуцируемые этими культурами жизненные стили по большому счету ориентированы на потребление одних и тех же продуктов, производимых современными высокими технологиями и индустрией развлечений. Многообразие наличествующих в таком обществе субкультур при этом не ставит под сомнение гегемонию глобальной культуры потребления.

Особенность российской ситуации заключается в том, что она характеризуется относительно высокой степенью интегрированности мигрантов из постсоветских стран. Это обстоятельство объясняется тем, что в нашу страну приезжают люди, ментально близких россиянам: многие из них социализировались в тех же институтах, что и местное население, привыкли считать Москву столицей своей родины и не приемлют, когда их называют мигрантами; значительная их часть, особенно выходцы из северных областей Кыргызстана и из Казахстана, являются русскоязычными – русский язык – это язык их повседневности, в то время как язык их этнической группы они стали не знают или знают плохо².

В этой связи проблема российских управленческих усилий в области аккомодации новопривывшего населения не столько в том, как интегрировать мигрантов, а в том, как

¹ Минимальные шансы найти работу, высокий уровень криминализации среды и т.д.

² Они стали его учить уже после распада СССР.

их не дезинтегрировать – не превратить окончательно в чужаков тех людей, которых еще недавно считали своими. В этом смысле ключевым условием интеграции становится обеспечение социальной защищенности, а отсутствие доступа к базовым социальным институтам становится фактором, усиливающим дезинтеграцию. Следует также отдавать себе отчет в том, что те, на кого нацелены усилия по интеграции, кто выступает объектом интеграционной политики – это люди с гибкими жизненными стратегиями, планы которых неизменно меняются в процессе адаптации к условиям жизни в российских мегаполисах. Между тем разрабатываемые в настоящее время кодексы поведения мигрантов основаны на представлении об их адресате исключительно как на пассивном субъекте административного воздействия.

Опыт интеграции семей мигрантов в индустриально развитых странах демонстрирует *контрпродуктивность этнизации* проблематики социального инкорпорирования. Демографическая структура современных крупных городов слишком сложна, чтобы социальное взаимодействие можно было рассматривать с точки зрения отношений между «принимающим сообществом» (или «этническим большинством»), с одной стороны, и «мигрантскими сообществами» (или «этническими меньшинствами») – с другой. В молодых когортах населения (от 15-ти до 35 лет) доля лиц с миграционным бэкграундом («полуторное», «второе», «2,5», «третье» поколения) составляет в среднем от четверти до трети, а в ряде случаев – до половины от всей городской молодежи. Это люди, социализировавшиеся в самых разных условиях – от детей IT-менеджеров и предпринимателей, встроенных в средние классы страны проживания, до детей «прекариата». Отсюда проистекает необходимость ревизии самого понятия «интеграция». Стратегии интеграции и социальные ландшафты, в которых они реализуются, настолько многообразны, что делают невозможным выработку универсального нормативного сценария.

Вместе с тем имеет смысл вести речь о неустойчивом и подверженном изменениям, но все же вполне доступном для выявления его контуров, *социокультурном мейнстриме* той или иной страны. Выходцы из мигрантской среды могут стать его частью, а могут, напротив, вписаться в одну из существующих наряду с мейнстримом субкультур или образовать новую субкультуру. В любом случае, как показывают исследования современных городов, «этничность» не является конститутивной в процессах формирования подобных субкультур [1].

1 Опыт западноевропейских стран в деле интеграции мигрантов второго поколения: наднациональное, национальное и локальное измерения

Интеграция иммигрантов занимает важное место в политической повестке большинства стран-членов ЕС и европейских институтов. Особенную сложность представляет собой оценка эффективности политики интеграции иммигрантов, ее количественное измерение.

До 2008 года не было достаточно данных, свидетельствующих об интеграции иммигрантов в их новой стране проживания, но, благодаря последним данным, представленным статистическим агентством Евростат, мы можем сравнить опыт иммигрантов первого и второго поколений, а также положение мигрантов на рынке труда с положением местных жителей [2].

В исследовании Евростата 2016 года рассматриваются основные характеристики населения в зависимости от их миграционного статуса (который присваивается мигранту по иммиграционному законодательству принимающей страны) и распределение мигрантов в четырёх следующих показателях рабочей силы:

Показатели экономической активности среди первого и второго поколения мигрантов;

Уровень образования и квалификации среди первого и второго поколения мигрантов;

Уровень занятости среди первого и второго поколения мигрантов;

Уровень безработицы среди первого и второго поколения мигрантов [3].

Миграционный статус подразделяется на следующие пять типов поколений мигрантов:

1. *иммигранты первого поколения, рождённые в ЕС* (родившиеся в стране ЕС, отличной от страны проживания, и срок их проживания в стране пребывания составляет не менее 12 месяцев);

2. *иммигранты первого поколения, рождённые вне ЕС* (родившиеся в стране, не входящей в ЕС);

3. *иммигранты второго поколения с корнями в ЕС* (родившиеся в стране ЕС, у которых один родитель – иностранец, а другой рождён в ЕС);

4. *иммигранты второго поколения с корнями не в ЕС* (родившиеся в ЕС, у которых оба родителя родились за пределами ЕС);

5. *коренные жители* [4].

Указанное исследование Евростата сфокусировано на возрастной группе 25-54 лет с целью исключения миграции, связанной с неэкономическими причинами, такими как учеба и выход на пенсию. Это также уменьшает влияние различных возрастных структур на три основные группы статуса миграции («коренные жители»; «иммигранты второго поколения»; «иммигранты первого поколения») [3].

В целом общее ухудшение ситуации на рынке труда было замечено в период с 2008 по 2014 год, поскольку в большинстве групп наблюдалось снижение активности и уровня занятости, а также рост уровня безработицы.

Иммигранты первого поколения, рождённые вне ЕС (лица, родившиеся за границей и на каком-то этапе переехавшие в свою страну проживания, и коренные жители в большинстве случаев более сильно пострадали от этого кризиса на рынке труда, устанавливая самый высокий относительный рост уровня безработицы (более 17% в 2014 году).

В 2014 году иммигранты второго поколения с корнями в ЕС (лица, родившиеся в ЕС и имеющие одного родителя, родившегося за границей, и одного родителя, родившегося в ЕС), как правило, были группой с лучшими результатами на рынке труда. 87,4% из них были активны на рынке труда по сравнению с 77,8% иммигрантов первого поколения, рождённых вне ЕС, которые продемонстрировали самый низкий показатель активности.

Показатель экономической активности населения представляет собой процент активного населения (занятого или безработного) по отношению к общей численности населения в той же возрастной группе (к экономически неактивным относятся следующие категории населения: а) учащиеся и студенты, слушатели и курсанты дневной формы обучения; б) лица, получающие пенсии по старости, на льготных условиях, по инвалидности; г) лица, занятые ведением домашнего хозяйства, уходом за детьми; д) лица, прекратившие поиск работы, исчерпав все возможности ее получения, но которые могут и готовы работать; е) другие лица, которым нет необходимости работать, независимо от источника дохода).

Для населения в возрасте от 25 до 54 лет показатель активности в 2014 году составлял 86,2% для коренных жителей. Аналогичные показатели активности были обнаружены среди иммигрантов второго поколения с корнями в ЕС (регистрируя чуть более высокий уровень активности 87,4%) и иммигрантов первого поколения, рождённых в ЕС (85,6%).

Гендерный разрыв в показателях активности является наименьшим для иммигрантов второго поколения с корнями в ЕС. В 2014 году показатели активности мужчин в возрасте 25-54 лет составляли более 90% для всех групп: от 90% для иммигрантов первого и второго поколений с корнями не в ЕС, до 93% для иммигрантов первого поколения, рождённых в ЕС. Уровень активности коренных жителей находился между ними, составляя 91,7%.

С другой стороны, участие женщин на рынке труда, хотя и выше, чем в 2008 году, для всех категорий, за исключением иммигрантов первого поколения, рожденных вне ЕС, оно по-прежнему намного ниже, чем у мужчин в 2014 году для всех проанализированных миграционных статусов. В частности, в 2014 году этот разрыв между мужчинами и женщинами варьировался от 7,5 % для иммигрантов второго поколения с корнями в ЕС до 23,4% для иммигрантов первого поколения, рождённых вне ЕС. Процент женщин последней категории, действующих на рынке труда, составлял 66,5% в 2014 году (по сравнению с 67,2% в 2008 году), 79% женщин, родившихся в другой стране ЕС, и 80,7% женщин-коренных жителей.

Еще одна интересная особенность при сравнительном анализе показателей активности в 2008 и 2014 годах по миграционному статусу и полу состоит в том, что показатели активности несколько снизились для мужчин по всем миграционным статусам, тогда как в случае женщин произошло значительное увеличение (выше 1,9%) во всех статусах, за исключением иммигрантов первого поколения, рождённых не в ЕС [4].

Таким образом, можно констатировать, что рост занятости у женщин практически во всех миграционных статусах постепенно растёт.

Людям необходимы навыки и квалификация, если они хотят быть успешными на рынке труда; в особенности, это актуально для иммигрантов. Навыки могут быть приобретены посредством обучения и повышения квалификации. Данные о квалификации являются важным показателем навыков, предлагаемых на рынке труда, поскольку они предоставляют широкий спектр информации об особенностях и шансах людей на получение хорошей работы. Рассматривая высший уровень образования, можно заметить значительные различия между иммигрантами первого и второго поколений и коренными жителями.

Степень высшего образовательного уровня – это процент населения данной возрастной группы, успешно прошедших третью образовательную ступень (например, университет, высшее техническое учреждение и т.д.) [5] в соответствии с классификацией МСКО [120] (Международная стандартная классификация образования) 2011 года.

В 2014 году наибольшая часть выпускников высших учебных заведений была среди иммигрантов второго поколения (38,5% для ЕС и 36,2% для стран, не входящих в ЕС), а самая низкая среди иммигрантов первого поколения, рожденных вне ЕС (29,4 %). В целом, ЕС привлекает довольно большой процент высококвалифицированных иммигрантов [4].

Что касается препятствий при поиске работы, то существуют значительные различия между иммигрантами первого и второго поколений. Поскольку иммигранты второго поколения воспитывались и получали образование в принимающей стране, они не сталкивались с теми же препятствиями, что и их родители-иммигранты или другие иммигранты первого поколения. Поэтому два поколения должны рассматриваться отдельно.

Следует отметить, что нехватка языковых навыков является наиболее распространенной причиной, препятствующей иммигрантам первого поколения найти подходящую работу (у каждого первого из 10 иммигрантов, родившихся за границей, независимо от того, откуда они родом, наблюдалась нехватка языковых навыков).

Что касается непринятия квалификации, полученной за рубежом, - второй по распространенности причины, препятствующей трудоустройству - интересно отметить, что иммигранты первого поколения, рожденные вне ЕС, были более активными, чем люди с таким же миграционным статусом, родившиеся в ЕС, что не удивительно, учитывая прогресс стандартизации европейских степеней в рамках Болонской системы.

Аналогичным образом, иммигранты первого поколения, рожденные вне ЕС, были больше подвержены ограничениям на работу, поскольку они не имеют равных гражданских прав и прав на работу, в сравнении с гражданами ЕС. Лишь 1,4% местных жителей и иммигрантов второго поколения стран ЕС назвали это своей главной проблемой при поиске подходящей работы по сравнению с 3,7% иммигрантов первого поколения, родившихся вне ЕС. Однако, как препятствие, ограничения на работу шли после дискриминации по социальным и религиозным соображениям, которые повлияли на 2,4% иммигрантов, являющихся гражданами ЕС, и 4,3% иммигрантов из стран, не входящих в ЕС [4: 94].

Однако около половины иммигрантов первого поколения и около двух третей иммигрантов второго поколения не упомянули о каком-либо конкретном препятствии для поиска подходящей работы, что является наиболее распространенным ответом для обоих поколений.

Уровень занятости – это процент занятых лиц по сравнению с общей численностью населения. В 2014 году было нанято 81,1% активного населения в возрасте 25-54 лет, принадлежащих иммигрантам второго поколения с по крайней мере одним родителем, родившимся в ЕС. Тогда как доля нанятых иммигрантов первого поколения, рождённых в ЕС, из активного населения того же возраста составила 78% [4: 75].

Иммигранты, рождённые в ЕС, имели более высокие показатели занятости, чем иммигранты, рождённые вне ЕС, как в первом (различие в 11,6%), так и в группах второго поколения (7,1%). В период с 2008 по 2014 год рейтинг не изменился между различными миграционными статусами и происхождением, а общий уровень занятости в ЕС снизился во всех группах.

Рассматривая тенденции в показателях занятости в возрастной группе 25-54 лет по уровню образования, во всех группах наблюдалось снижение уровня занятости в период с 2008 по 2014 год, за исключением иммигрантов второго поколения с корнями ЕС, с «низким» уровнем образования (возможно, это связано с тем, что конкретно в 2014 году более востребованными были профессии, не требующие высокого уровня образования, но требующие определённого миграционного статуса – с корнями в ЕС). У тех, кто не рождён в ЕС, и имеет «низкий» уровень образования, было зафиксировано резкое снижение их и без того низких показателей занятости [4: 75].

Эти результаты могут быть интерпретированы как увеличение разрыва между «низким» и «высоким» уровнем образования в большинстве миграционных статусов (за исключением иммигрантов второго поколения, рождённых в ЕС), что подтверждает основную тенденцию к большей занятости в пределах населения, стремящегося к получению высшего академического образования.

Рассматривая гендерные различия при сравнении уровней занятости в различных миграционных статусах, в 2014 году среди мужского населения самые высокие показатели занятости были обнаружены у иммигрантов первого поколения, рождённых в ЕС (84,2%), что немного выше нормы для коренных жителей мужского пола (83,9%). У иммигрантов первого поколения, рождённых вне ЕС, был самый низкий уровень занятости (75,1%, что представляет собой разницу в 9,1% по сравнению с иммигрантами первого поколения, рождёнными в ЕС).

В целом, уровень занятости женщин значительно ниже, чем у мужчин. Особенно женщины, рождённые не в ЕС, имели гораздо меньше шансов быть трудоустроенными, так как только 54,5% из них в первом поколении и 69,8% из них во втором поколении занимали этот статус труда в 2014 году. С другой стороны, иммигранты второго

поколения, рождённые в ЕС, имели более высокий уровень занятости, чем коренное женское население (77,8% по сравнению с 73,3%).

С 2008 по 2014 год наблюдалось уменьшение гендерного разрыва в показателях занятости всех статусов миграции, что в большинстве случаев приводило к более резкому сокращению уровня занятости мужчин. Самые высокие сокращения гендерного разрыва были обнаружены среди обеих групп иммигрантов второго поколения: гендерный разрыв был снижен с 9,9 до 6,0% для иммигрантов второго поколения с корнями в ЕС и с 16,0 до 7,9% для иммигрантов второго поколения с корнями вне ЕС.

Как и в случае показателя активности, уровень занятости значительно снизился для всех статусов мигрантов мужского пола в период с 2008 по 2014 год (от 3,8% для иммигрантов первого и второго поколения, рождённых не в ЕС, до 2,7% для иммигрантов второго поколения, рождённых в ЕС). Среди женщин этого снижения, как правило, не происходило, за исключением женщин с иностранным происхождением, рождённых вне ЕС, где было отмечено снижение на 4,7%. Напротив, для женщин – мигрантов второго поколения с корнями вне ЕС было отмечено увеличение в размере 4,2% [3].

Международная стандартная классификация занятий (МСКЗ) [6: 65] подразделяет статус занятости работающих лиц на 10 основных категорий. Среди них можно выделить четыре наиболее широкие (исключаются вооруженные силы):

высококвалифицированные «белые воротнички» - наёмные работники, занимающиеся умственным трудом (служащие, чиновники, администраторы, менеджеры);

низкоквалифицированные «белые воротнички» - клерки и обслуживающие рабочие, а также продавцы магазинов и продавцы на рынке;

высококвалифицированные «синие воротнички» – специалисты, имеющие высшее образование, которые занимаются высококвалифицированным физическим трудом, совмещая его с интеллектуальной и руководящей занятостью (инженеры, прорабы, архитекторы, операторы высокотехнологичного оборудования на промышленных предприятиях и т.д.);

низкоквалифицированные «синие воротнички» - обычно представителям этой группы необязательно иметь специальное образование, квалификацию, особенные знания и навыки, ведь их работа – это исключительно физический труд без какой-либо интеллектуальной нагрузки (водители, охранники, разнорабочие, уборщики, рабочие сельского хозяйства и не только).

Что касается профессиональной структуры, то коренные жители и иммигранты второго поколения были более схожи, в то время как сравнение коренного населения с

иммигрантами первого поколения имело больше различий. Это различие связано с общей тенденцией иммигрантов первого поколения работать на менее квалифицированных рабочих местах, в то время как иммигранты второго поколения и коренные жители занимали более значительную долю на рабочих местах, требующих более высокой квалификации.

В 2014 году в категории «неквалифицированных синих воротничков» было занято более одного из четырех иммигрантов первого поколения в ЕС. Для сравнения, как в группах иммигрантов второго поколения, так и коренных жителей, только 13 -16 из каждых 100 человек занимались этим видом занятий.

С другой стороны, почти каждый третий иммигрант первого поколения в ЕС был занят в высококвалифицированных офисных профессиях. Напротив, немногим более половины иммигрантов второго поколения и 4 из 10 коренных жителей были заняты в этих высококвалифицированных профессиях. Это показывает, что условия на рынке труда иммигрантов второго поколения были намного лучше, чем на рынке труда иммигрантов первого поколения [4].

Уровень безработицы – это процент безработных по сравнению с общим числом экономически активного населения (т.е. занятых и безработных, но без учета экономически неактивных лиц, таких как студенты и пенсионеры). В 2014 году уровень безработицы среди населения в возрасте от 25 до 54 лет составлял от 17,2% в случае иммигрантов первого поколения, рождённых не в ЕС, до 7,6% для иммигрантов второго поколения с корнями в ЕС.

В период с 2008 по 2014 годы уровень безработицы увеличился для всех категорий. Наибольший прирост наблюдался для иммигрантов первого поколения, рождённых не в ЕС (+ 6,6%), тогда как иммигранты второго поколения с корнями в ЕС, демонстрировали рост на 1,5%, самый низкий среди анализируемых статусов миграции. Это небольшое увеличение означало, что в 2014 году иммигранты второго поколения с корнями в ЕС, имели наименьший уровень безработицы (7,6%), тогда как в 2008 году самый низкий показатель принадлежал коренным жителям (5,5%) [4: 78].

Подводя итог, можно сказать, что по всем рассмотренным критериям (экономической активности, уровню образования и квалификации, уровню занятости и уровню безработицы) иммигранты второго поколения имеют лучшие показатели по сравнению с иммигрантами первого поколения. Также можно отметить, что наблюдается сокращение разрыва (а по некоторым показателям, таким как уровень занятости у женщин

и уровень безработицы (его снижение), даже некоторое превосходство) между иммигрантами второго поколения с корнями в ЕС и коренным населением.

2 Образовательные институты как ключевая сфера интеграции

2.1 Интеграция детей мигрантов в образовательной системе стран-членов ЕС

Миграционные движения являются неотъемлемой частью европейской истории, они формируют и реконструируют контингент рабочей силы на протяжении тысяч лет. Последствия таких движений, как региональных, так и глобальных, продолжают влиять на повседневную жизнь в государствах-членах Европейского союза (ЕС). Но миграционная политика в последние годы – как на уровне центральных правительств, так и местных сообществ – различались между государствами-членами, что приводило к разным уровням интеграции и социальной сплоченности. Для содействия целостности Европейского союза крайне важно эффективно решать вопрос интеграции иммигрантов как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. Меры, установленные политиками и специалистами, а также межличностная динамика в сообществе имеют фундаментальное значение для содействия мирному обществу. Залог успеха политики интеграции лежит в образовательной сфере. Школы могут выступать в роли катализаторов позитивной социальной трансформации и взаимовыгодного сотрудничества, или они могут далее воспроизводить деструктивные модели социального взаимодействия. Это делает школу ключевым местом, где применение соответствующей политики и передовой практики может эффективно помочь интеграции иммигрантов. С этой целью присутствие семьи и местных межличностных сетей в школьных системах абсолютно необходимо. Любые изолированные образовательные усилия не позволят гарантировать, что дети-иммигранты и их семьи эффективно интегрируются в рынок труда и гражданское общество своих новых стран.

В большинстве стран студенты-иммигранты первого поколения (студенты, родившиеся за пределами страны назначения, родители которых также родились за пределами этой страны) показывают худшие результаты, чем студенты, не имеющие иммигрантского образования, и студенты-иммигранты второго поколения (родившиеся в стране назначения родителям, которые родились за пределами страны) выполняют роль где-то между ними. Хотя многие студенты-иммигранты работают относительно плохо по сравнению с не-иммигрантами, они могут выполнять работу на высоком уровне по международным стандартам. Как видно из рисунка, производительность студентов-иммигрантов значительно различается по странам. Разница в производительности между студентами-иммигрантами первого поколения и студентами, не имеющими иммигрантского опыта, имеет тенденцию быть более широкими в математике или решении проблем [7]. Это говорит о том, что языковые барьеры для понимания текста

могут быть ключевыми в объяснении различий в производительности между этими двумя группами студентов.

Помимо успеваемости в школе, показатель того, насколько хорошо учащиеся-иммигранты интегрируются в новое сообщество, заключается в том, чувствуют ли они, что они принадлежат к их новому окружению, а для 15-летних подростков школа – одна из самых важных социальных сред. В 2003 и 2012 годах PISA (Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся) спрашивала студентов относительно из чувства принадлежности к школе. Результаты сильно варьировались между студентами-иммигрантами и детьми, которые не имеют опыта иммиграции. Страны могут быть разделены на три группы, основанные на ответах учащихся в 2012 году. В первой группе, которая включает в себя Соединенное Королевство и Соединенные Штаты, ученики (иммигранты первого поколения) выразили более сильное чувство принадлежности в школе, чем другие студенты, тогда как студенты без иммигрантского опыта и ученики-иммигранты второго поколения выразили сходное чувство принадлежности. Во второй группе стран, в которую входят Аргентина, Дания, Франция и Мексика, студенты-иммигранты второго поколения чувствуют себя наиболее отчужденными в своих школах и имеют меньше чувства принадлежности, чем студенты, не имеющие иммигрантского опыта и студенты-иммигранты первого поколения. В третьей группе стран, которая включает Италию, Норвегию, Испанию, Швецию и Швейцарию, интеграция, как представляется, прогрессирует, а студенты-иммигранты второго поколения сообщают об аналогичном или почти одинаковом чувстве принадлежности к школе в качестве студентов без иммигрантского опыта и студенты первого поколения сообщают о меньшем чувстве принадлежности [7].

Каждая школа имеет приток новичков. В некоторых школах многие новички из другой страны различаются по типу и степени поддержки, необходимой им для успешного перехода и адаптации к школе и соседству. Например, помимо первоначальной поддержки, школы, в которых участвуют молодые люди из других стран, должны разрабатывать меры, направленные на решение проблем иммигрантов и соображения, возникающие в связи с многокультурным студенческим органом. Ощущение всего этого иллюстрируется следующими комментариями, которые регулярно воспроизводятся во время работы в школах:

Большая часть проблемы с отсева заключается в том, что большое количество учеников-иммигрантов рано уходят на работу;

Девочки-иммигранты покидают школу, потому что их семьи выдают их замуж в возрасте 14-ти лет;

Специальные организации привлекают много семей, чьи дети никогда не учились в школе;

В школах есть семьи, которые говорят на разных языках, и зачастую недостаточно переводчиков для облегчения общения;

В университетском городке студенческие группы создают свою территорию, и новичков не только не приглашают, они стигматизируются;

Многие родители недовольны, потому что школы не помогают их детям поддерживать свой родной язык [7].

Как показывает статистика, иммигрантское население в США составляет около 41 миллиона (13% из 313,9 миллиона человек). Кроме того, 11,5 млн. человек являются несанкционированными. Некоторые иммигранты -первое поколение и недавно прибывшие; те, кто родились в США, по крайней мере, если один родитель-иммигрант, то считается, что ребенок второго поколения. В 2012 году 17,4 миллиона детей (в возрасте до 18 лет) жили дома, по крайней мере, с одним родителем-иммигрантом (25% из 70,2 миллиона детей в возрасте до 18 лет в США). На детей второго поколения приходилось 88% (15,2 млн.) Детей с родителями-иммигрантами. Почти 9,6 млн. человек имеют родителей-иммигрантов, чей семейный доход ниже 200% от федерального уровня бедности. От 1 до 1,5 миллионов недокументированы [8],[9]. Кризисы в других частях мира еще более усложняют ситуацию и тем более в других странах. По данным Министерства образования США (2015 г.), в США обучается примерно 840 000 студентов-иммигрантов, а также более 4,6 млн. учащихся, изучающих английский язык. Число родившихся в других странах или родившихся в США родителей-иммигрантов растет быстрее, чем любая другая группа [10].

Когда они переезжают в новую страну, многие иммигранты склонны поселиться в районах с другими иммигрантами, часто из той же страны происхождения и с тем же социально-экономическим статусом. Они могут принять решение сделать это как способ создания сети людей, которые разделяют свою культуру или их опыт работы в качестве мигрантов, а также могут помочь вновь прибывшим мигрантам пробиться через административные процедуры и, возможно, даже найти работу. Но они могут также переместиться в эти районы из-за социально-экономических лишений, что ограничивает диапазон областей, где они могут перемещаться. Аналогичным образом, студенты-иммигранты, как правило, концентрируются в одних и тех же школах, иногда потому, что

они живут в одних и тех же районах, но иногда из-за того, что школьные системы группируют их вместе, независимо от того, являются они соседями или потому, что они показывают сходные характеристики. Многие учащиеся с иммигрантским образованием посещают школы, где доля других студентов-иммигрантов велика; другими словами, во многих странах студенты-иммигранты, как правило, концентрируются в одних и тех же школах.

Многие новоприбывшие студенты-иммигранты еще не могут читать или говорить хорошо на преобладающем языке принимающих их стран. В среднем 63% студентов-иммигрантов первого поколения и 38% студентов-иммигрантов второго поколения говорят на родном языке, который отличается от языка, на котором проводился тест PISA. В Чешской Республике, Финляндии, Исландии, Израиле, Словении и Швеции более 8 из 10 учеников первого поколения дома разговаривают на том языке, который не пригоден для обучения в новых школах, в то время как в Чили, Коста-Рике, Хорватии, Казахстане, Черногории и Сербии, менее одного из десяти студентов-иммигрантов первого поколения говорят на другом языке. Неудивительно, что учащиеся, которые не говорят и не читают на нужном языке, выполняют тест гораздо хуже, чем студенты, которые разговаривают на нужном языке [7].

Почему возраст, в котором мигранты прибывают в новую страну имеет значение? В большинстве стран OECD студенты-иммигранты, которые прибыли в возрасте 12 лет и старше, и провели в своей новой стране не более четырех лет, отставали от учеников того же возраста в области чтения, чем иммигранты, прибывшие в более молодые годы. Страны и экономики сильно различаются по величине этого «штрафа за просрочку» для студентов-иммигрантов; и эти различия, как правило, отражают профиль иммигрантов. Возьмем, к примеру, случаи Австралии и Швейцарии. Студенты, которые родились в Китае и иммигрируют в Австралию, страдают от штрафа за поздний срок прибытия в страну. Та же картина наблюдается в европейских странах. Возраст при прибытии, кажется, не имеет никакого значения для чтения немецких студентов, которые иммигрируют в Швейцарию; но 15-летние студенты из Португалии и бывшей Югославии, которые иммигрировали в течение предыдущих нескольких лет, гораздо хуже читали, чем студенты-иммигранты из тех же стран, которые провели все свои школьные годы в Швейцарии [7]. Для недавних иммигрантов отсутствие знакомства с языком и институтами своей новой страны, а также небезопасные условия жизни могут привести к снижению производительности чтения. Но возраст при прибытии имеет свое влияние на умение читать: изучение второго (или третьего) языка более сложно для детей старшего

возраста, а школьная программа, как правило, связана со многими конкурирующими требованиями по мере того, как учащиеся переходят из начальной школы в младшую школу.

Что может быть сделано на стадии начальной и средней школы?

- установка корреляции между изучением языка и другими предметами с самых ранних классов;
- интеграция детей-мигрантов в общеобразовательные классы с начала их обучения связана с лучшими результатами, чем зачисление их сначала на подготовительные языковые классы и задержка входа в основные курсы. Хотя языковая подготовка имеет важное значение, ее следует предлагать помимо обычной работы по курсу;
- помощь учителям определить студентов, которые нуждаются в языковой подготовке. Некоторые страны, включая Данию и Германию, систематически оценивают детей дошкольного возраста в своих языковых возможностях;
- стратегии и педагогика для развития навыков второго языка должны быть охвачены как начальным, так и безвыходным обучением для учителей, которые работают с учащимися-иммигрантами.

Концентрация учащихся-иммигрантов в школах сама по себе не должна оказывать неблагоприятного воздействия на успеваемость учащихся или на интеграционные усилия. PISA показывает, что это не концентрация студентов-иммигрантов в школе, а скорее концентрация социально-экономического неблагополучия в школе, которая препятствует успеваемости учащихся. На рисунке 7 показано, что в странах OECD countries 15-летние студенты, посещающие школы, где концентрация иммигрантов высока (т. е. где более одного из четырех студентов являются иммигрантами), как правило, учатся хуже, чем учащиеся, посещающие школы, где нет студентов-иммигрантов. Но это различие отражает тот факт, что многие студенты-иммигранты находятся в неблагоприятном социально-экономическом положении. Средняя разница в математике между OECD countries учащимися, посещающими школы, где более 25% студентов являются иммигрантами по сравнению со студентами, посещающими школы без иммигрантских студентов, составляет 18 баллов – эквивалент примерно 6 месяцев обучения. Но после учета социально-экономического статуса студентов и школ эта разница возрастает более чем в два раза – до 5 баллов. Действительно, в 14 из 35 стран / экономик с сопоставимыми данными студенты в школах с высокой концентрацией студентов-иммигрантов отстают от математики до учета социально-экономических различий. После

учета этих диспропорций число стран / экономик, в которых эти студенты отстают, падает до 7; и в большинстве из них различия в производительности настолько узки, что они практически несущественны [7].

Указанные проблемы решаются при помощи:

- предоставления родителям детей мигрантов информации о дополнительных возможностях и помощи в преодолении финансовых и логистических барьеров на пути доступа к выбранной ими школе;
- ограничения возможностей льготных школ выбирать студентов на основе социально-экономического статуса. Это можно сделать, предоставив финансовые стимулы школам с переполненными классами для зачисления студентов-мигрантов.
- сохранения и привлечения более благополучных учащихся в школы, где также учатся студенты-иммигранты. Например, школы в неблагополучных районах могут сделать свои учебные программы более привлекательными для студентов из всех социально-экономических сфер, предлагая специальные курсы математики, науки и / или искусства.

То, что побуждает людей уехать из своей страны – это неотложное желание сделать лучшую, более безопасную жизнь для себя и, особенно, для своих детей. Иммигранты полны решимости максимально использовать любую возможность, для совершения миграции. PISA считает, что родители студентов-иммигрантов в Бельгии, Германии и Венгрии с большей вероятностью ожидают, что их дети получают высшее образование, чем родители студентов без иммигрантского опыта. Это примечательно, учитывая, что студенты-иммигранты в этих странах не выполняют своей роли, а их семьи более социально-экономически обездолены, чем студенты не-иммигранты.

Студенты-иммигранты, сами по себе, имеют амбициозные ожидания в отношении собственной карьеры. Среди стран и экономик, которые участвовали в PISA 2006, студенты-иммигранты в 14 странах были более склонны, чем студенты, не являющиеся иммигрантами, рассчитывать на то, что будут работать в качестве профессионалов или менеджеров, когда им будет 30; в 26 странах ожидания карьеры студентов иммигрантов были аналогичны ожиданиям студентов, не являющихся иммигрантами. Ожидания в отношении высшего образования и карьеры часто являются самоисполняющимися пророчествами: студенты, которые занимают амбициозные, но реалистичные ожидания в отношении своего будущего, с большей вероятностью приложат больше усилий на их обучение и более эффективно используют доступные возможности образования.

Фактически, результаты PISA показывают, что, несмотря на значительные проблемы и препятствия, с которыми они сталкиваются, многие студенты-иммигранты преуспевают в учебе, что является свидетельством их стремления и мотивации и открытости их семей. Более высокий процент учащихся-иммигрантов первого поколения, чем студенты без иммигрантского фона, сообщил, что им нравится решать сложные проблемы. В среднем по странам OECD countries около 33% студентов, не имеющих иммигрантского опыта, сообщили об этом, по сравнению с 34% студентов-иммигрантов второго поколения и 37% студентов-иммигрантов первого поколения. Кроме того, данные PISA показывают, что в Австралии, Израиле и США доля студентов, находящихся в неблагоприятном положении, которые входят в первую четверть всех студентов, которые участвовали в PISA, больше среди студентов-иммигрантов, чем среди студентов, не являющихся иммигрантами. Эти высокомотивированные студенты, которым удается преодолеть двойной недостаток нищеты и опыт иммигрантов, могут вносить исключительный вклад в принимающие страны [7].

2.2 Особенности российской ситуации со школьным образованием детей мигрантов

В настоящее время второе поколение мигрантов только вступает в социальную жизнь в России. Год от года мигранты все чаще начинают привозить в Россию своих детей, поскольку они уже имеют продолжительный опыт проживания в крупных городах нашей страны. По мере того, как у них появляется относительно стабильная работа, возможность снять квартиру, увеличивается осознание возможности объединиться с семьей и жить вместе со своими детьми. Тем не менее в целом процент людей в миграционном притоке, которые привозят с собой детей не очень велик – в среднем их 10% до 12%. Всего насчитывается около 1 100 000 детей иностранного происхождения, которые учатся в российских школах, то есть примерно 12% от всех присутствующих на территории России иностранных граждан – не только трудовых мигрантов. Их них миллион человек – это выходцы из стран СНГ. Примерно треть из этого миллиона – это уроженцы Средней Азии, а четверть – украинцы. В школах Москвы и Подмосковья в последние годы обнаруживается относительный рост числа иностранных учеников, поскольку большая часть трудовых мигрантов сосредоточена именно в этом регионе. Однако экстраполяция этой тенденции на ситуацию в остальных регионах страны некорректна. Как правило, трудовые мигранты, которые привозят приезжают в Россию с детьми – это люди с наиболее высоким уровнем образования и относительно стабильным достатком, а их дети мотивированы на получение хорошего образования.

Первое большое исследование, посвященное стратегиям адаптации детей мигрантов было проведено Даниилом Александровым, который в результате анкетирования во многих школах установил, что дети мигрантов попадают чаще всего в школы, где учатся выходцы из социально неблагополучных слоев населения [11]. Распределение детей мигрантов по школам определяется прежде всего не этническим, а социальным происхождением. При этом в исследовании доказывалось, что дети мигрантов довольно быстро адаптируются в школах, и их интеграция не является существенной проблемой с социокультурной точки зрения.

Второе крупное исследование было проведено сотрудниками Института образования ВШЭ [12]. В этом исследовании были выявлены школы со сложным социальным контекстом в нескольких областях России. Авторы продемонстрировали, что в школах, в которых учатся дети из неблагополучных семей, часто присутствует большое число учеников, для которых русский язык не является родным.

Наконец, в 2017 году Екатерина Деминцева и ее коллеги начали проводить исследование механизмов адаптации детей мигрантов к системе школьного образования в Москве и Московской области [13]. В школах Москвы и Подмосковья в настоящее время сконцентрировано наибольшее число детей мигрантов в России. Главная проблема, обнаруженная в этом исследовании, заключается в том, что интеграция блокируется прежде всего из-за затрудненной процедуры приема в школы – зачастую директора отказываются зачислять детей мигрантов без свидетельства о регистрации от родителей или иного документа, направленного из вышестоящей организации.

В отличие от западноевропейских стран, подмосковные школы, в которых учатся дети мигрантов, в визуальном отношении ни коим образом не отличаются от других школ. Если в окраинных районах французских городов школы, в которых сосредоточены выходцы из мигрантской среды, определенным образом внешне маркированы (зачастую их стены расписаны граффити), то в России такие отличия не обнаруживаются. Тем не менее так называемые «мигрантские» школы имеют плохую репутацию среди населения многих районов Подмосковья. При том, что в Москве и Подмосковье не представляется возможным говорить о наличии анклавов и городской сегрегации, «мигрантские» и «не-мигрантские» школы находятся рядом друг с другом. Это объясняется тем, что в большинстве районов проживает смешанное с точки зрения социального капитала населения. И тем не менее школы, принимающее большое число детей мигрантов, моментально приобретают «дурную славу».

Причина этого кроется не в наличии в этих школах детей мигрантов, а в том, что в школах, в которые они попадают, изначально были плохие стартовые возможности – низкие образовательные результаты. В таких школах зачастую организованы коррекционные классы для детей-инвалидов, умственно отсталых детей, а также вечерние классы для детей из низкостатусных семей. Соответственно, о таких школах еще с 1990-х годов складывалось негативное представление: в них идут специальные группы людей и из-за этого они пользуются низким спросом у местного населения.

С появлением детей мигрантов ситуация усложнилась, поскольку школы с благополучной репутацией не хотят их принимать из-за отсутствия опыта работы с иноязычными учениками. При том, что дети мигрантов не составляют большинства в таких школах: обычно их около 16%, причем к старшим классам их число, как правило, сокращается. Многие из них либо работают, либо переходят учиться в колледжи, чтобы обрести профессию. Одновременно с этим в младших классах становится все больше детей из мигрантских семей, потому что все больше родителей начинают привозить их с собой в Россию.

Как показывает исследование Екатерины Деминцевой [13], присутствие детей мигрантов для не является существенной проблемой для администрации и учителей школы (в отличие от проблем с детьми алкоголиков и наркоманов), однако оно воспринимается крайне негативно местными сообществами, сосредоточенными вокруг той или иной школы. Именно наличие в ней детей мигрантов воспринимается как чуть ли не главная негативная ее черта.

Основные проблемы, с которыми сталкиваются дети мигрантов в подмосковных школах – это плохое знание русского языка и отсутствие каких-либо программ, которые бы помогали им учить русский язык. У всех детей, которые знают русский язык, адаптация проходит благополучно. Если ребенок знает русский язык, то речь идет всего о нескольких неделях-месяцах адаптации. При этом дети мигрантов позиционируют людьми, чьи родители много добились в жизни. Они мотивированы на поступление в вузы, хотят овладеть уважаемой профессией.

Что касается ксенофобии в школах, то она является латентной. Доминирует установка, что учителя должны быть толерантными. Детям также проще следовать этой установке: для них межэтническая среда не воспринимается как проблема. Однако помимо школы, существует коммуникация дома, а также влияние медиасреды. Наибольшее противоречие обнаруживается в несоответствие между картинкой в телевизоре и тем, что дети они видят в школе. Ситуация в классе воспринимается детьми

как благополучная, однако, при этом среди российских учеников превалирует негативное отношение к миграции как таковой.

3 Гендерный аспект интеграции семей мигрантов: положение женщин-мигранток в системе институтов принимающих стран

Женщины-мигрантки играют важную роль на рынках труда и вносят ценный вклад как в экономику, так и в общество принимающих стран. Однако они также сталкиваются с определенными проблемами в плане интеграции в рынок труда.

Значительное число женщин получают право на въезд в качестве жен трудящихся-мигрантов, что может повлиять на их правовой статус, ограничить личные права и сделать зависимыми от супруга. Другие женщины ищут убежище, остальные - беженки, особенно уязвимая категория женщин на рынке труда, поскольку их правовой статус зависит от длительных заявлений о предоставлении убежища, что затрудняет их трудоустройство [14].

Замужние женщины, переезжающие в страны, принимающие иммигрантов, интегрируются в рынок труда по образцу, аналогичному образцу мужчин-иммигрантов: их занятость и заработная плата растут вместе по мере пребывания в стране.

Три аспекта эффективности рынка труда женщин представляют интерес: участие в рабочей силе, заработная плата и профессия. Первое подчеркивает различия в ресурсах, выделяемых в рынок труда, второе – то, как рынок вознаграждает эти виды деятельности, а третье – в том, похожи ли рабочие места, не беря во внимание уровень заработной платы.

В США модели интеграции предложения труда аналогичны для мужей и жен-иммигрантов, и их участие в рабочей силе ниже, чем у сопоставимых мужчин и женщин, родившихся на родине. Аналогичная картина наблюдается в Германии, где мужья и жены-иммигранты работают меньше по прибытии, чем сопоставимые живущие здесь рабочие, но затем увеличивают свое предложение труда в последующие годы. Эта модель предполагает стандартный процесс накопления человеческого капитала.

Поэтому политика по интеграции женщин-иммигранток на рынке труда путем оказания поддержки в поиске первоначальных рабочих мест может улучшить экономическую интеграцию семей иммигрантов [15].

В последнее десятилетие в ряде исследовательских отчетов (Европейская комиссия 2010 г. [16], ОЭСР 2005 г. [17], Рубин и др. 2008 г. [18]) были рассмотрены проблемы не востребованности навыков и дискриминации, с которыми женщины-мигрантки сталкиваются с выходом на официальный рынок труда. Например, Совет Европы (2011 г.) [19] признал необходимость того, чтобы принимающие страны разрабатывали и осуществляли меры по содействию интеграции женщин-иммигранток в Европе и, в частности, для защиты женщин-мигранток на рынке труда.

Европейское женское лобби (EWL) и Европейская сеть женщин-мигранток (ENoMW) внесли конкретные рекомендации в отношении мер, направленных на увеличение участия женщин-мигранток в занятости. Так как во всех государствах-членах ЕС многие женщины-мигрантки и мужчины-мигранты лишены права работать на формальном рынке труда из-за их правового статуса (как просители убежища, присоединения к супругам или бездокументарных мигрантов). Кроме того, многие женщины-мигрантки, некоторые из которых не имеют документов и работают в неформальном секторе и частном секторе, живут и работают в рамках Европейского союза без какой-либо защиты и с ограниченным доступом к правам и услугам. Помимо правового статуса мигрантов, в докладе также упоминается отсутствие во многих государствах-членах эффективных систем для признания квалификаций, полученных в третьих странах.

Во всем мире все меньше женщин-мигранток трудоустраиваются в высококвалифицированных секторах рынка труда, чем мужчины. Одной из основных причин этого является то, что образование женщин, как правило, сосредоточено в гуманитарных и социальных дисциплинах, которые дают им квалификацию в таких профессиях, как преподавание, здравоохранение и социальная работа. Высококвалифицированные мигранты работают в качестве сотрудников транснациональных компаний или международных учреждений, в сфере информационных технологий или медицине, но эти сектора (кроме медицины), как правило, доминируют среди мужчин (Kofman and Raghuram 2010) [20].

3.1 Проблемы и трудности, с которыми сталкиваются женщины-мигрантки на рынке труда

В докладе Совета Европы (2011 г.) [19] перечислены некоторые существенные проблемы, влияющие на интеграцию женщин-мигранток на рынок труда:

I. Ограниченные правовые каналы для миграции

Миграционная политика Европейский стран не является откровенно предвзятой по признаку пола, но в некоторых странах были введены ограничения на допущение женщин-мигранток к занятиям в секторе здравоохранения. Возможности женщин мигрировать на законных основаниях по-прежнему более ограничены, чем у мужчин, и ориентированы на менее оплачиваемый домашний труд и работу по уходу в странах Южной Европы. В ряде стран Северной Европы не было возможности для въезда женщин-мигранток, планирующих оказаться на менее квалифицированной работе.

II. Ограничение на независимое право мигрировать или оставаться в стране назначения

Женщины долгое время считались главным образом супругами и были вне рабочей силы, так как их присутствие в стране было вследствие прибытия с супругами. Таким образом, женщины, приезжающие воссоединиться со своими семьями, считаются иждивенцами. Условия, в которых эти женщины прибывают в новую страну, также могут не способствовать их выходу на рынок труда, изучению языка принимающей страны или активному участию общественной жизни.

В большинстве стран-членов Европейского союза женщина, которая выезжает по программе воссоединения семей, должна ждать несколько лет, чтобы получить статус независимо от своего супруга. Если она является жертвой насилия в семье в течение этого периода или если она подала заявление на развод, она не имеет права получить место жительства (финский отчет) [21],[22]. Это не дает возможности многим женщинам, которые подверглись насилию, предъявлять официальную жалобу. Лингвистические барьеры, семейное давление, изоляция и культурные традиции являются дополнительными проблемами, которые могут помешать жертвам формальных жалоб.

III. Образование, отсутствие признания навыков и квалификации

В то время как большинство женщин-мигранток находят работу в низкоквалифицированных профессиях, они далеко не «не квалифицированы». Например, в Мадриде из 421 667 женщин-мигранток в 2010 году более 50% имели средний уровень образования или высший профессиональный (испанский доклад) [23]. В Греции женщины-мигрантки имеют более высокий уровень образования, чем мужчины-мигранты с 16% женщин по сравнению с 7% мужчин, имеющих высшее образование, и 57% и 49% соответственно со средним образованием. В целом только 2% были неграмотными (греческий отчет) [24]. Уровни образования различаются по национальности. В Ирландии, где также наблюдался высокий уровень квалифицированной миграции, более 40% женщин-мигрантов имели высшее образование или выше, по сравнению с менее чем 20% ирландских женщин [25].

Эта «деквалификация» или «утечка мозгов» вызывают серьезную озабоченность не только для отдельного мигранта, но и для общества, в котором они работают. Это лишает общество преимуществ женщин-мигрантов и их квалификации. Как заявила заместитель директора МОМ Лаура Томсон в своем выступлении в рамках проекта МОМ «Разбитые надежды»: «Экономические последствия использования буферизации также огромны. Неспособность использовать богатые навыки, опыт и ноу-хау, с которыми сталкиваются

женщины-мигранты, - это не только упущенная возможность для стран назначения, но и для стран происхождения...» [26].

IV. Гендерная дискриминация и женщины-мигранты на рынке труда

Гендерная дискриминация на рынке труда имеет различные формы, как косвенные, так и прямые. Три конкретных явления - разрыв в заработной плате между женщинами и мужчинами, сегрегация рынка труда по полу и «стеклянный потолок» [glass ceiling]³ (в котором женщины сгруппированы на нижних ступеньках рабочей лестницы).

Важнейшим фактором является дискриминация на основе заработной платы. Мало того, что заработная плата женщин-мигрантов часто ниже, чем у их коллег-мужчин, но заработная плата также часто связана с национальным или этническим происхождением сотрудника. Опыт большинства стран Европейского союза показывает, что женщины-мигрантки из третьих стран испытывают более высокий уровень безработицы и большую вероятность трудоустройства по временному контракту.

V. Недостаток защиты, низкие условия работы и уязвимости в секторе внутреннего обслуживания

В этот сектор входит широкий спектр мероприятий, таких как кулинария, уборка, уход, садоводство и домашнее хозяйство. Сфера услуг и домашнее хозяйство – это самая важная категория занятости для миллионов зарегистрированных и незарегистрированных мигрантов [27]. В целом, в этом секторе занято 10% в среднем среди женщин, родившихся за границей, по сравнению с 1% коренного населения, но среди последних мигрантов оно достигает почти 20%.

VI. Отсутствие поддержки способности женщин-мигранток организовывать свои права

Во многих странах женщины-мигрантки сталкиваются с препятствиями и ограничениями на их способность организовывать свои права. В некоторых странах эти ограничения закреплены в законе и основаны на статусе мигрантов: неграждане не могут иметь право на законную организацию или вступать в союзы - работники могут быть специально лишены членства в профсоюзах.

VII. Дискриминация прав женщин-мусульманок

Особенно спорным является мусульманский платок или хиджаб. Как показывает исследование Марка Хелблинга [28], сделанное в шести европейских странах, отношение

³ «Стеклянный потолок» - неофициальный запрет на продвижение по должностной лестнице женщины или представителя национального меньшинства. Суть этого выражения, которое вошло в употребление в 1984 г., состоит в том, что существует препятствие, которое никогда не позволит иметь то положение и деньги, которыми пользуются другие, находящиеся в более привилегированном положении.

не-мусульман к платку значительно более негативное, чем к мусульманам в целом. Ряд причин может быть причиной особенно сильного неприятия платка по сравнению с мусульманами в целом. Во-первых, платок часто считается символом не ислама в целом, а мусульманского фундаментализма [29], который часто ассоциируется с нетерпимостью и терроризмом. Во-вторых, головной платок был истолкован как признак явного нежелания мусульманских мигрантов интегрироваться [30]. Наконец, головной платок рассматривался как выражение угнетения женщин и неприятия гендерного равенства [31].

В последние годы многие западноевропейские страны (Германия, Ирландия, Франция, Австрия) увеличили ограничения на иммиграцию, связанную с браком. Эти законодательные изменения часто оправдываются тем, что такие браки наносят ущерб интеграции.

Некоторые аргументы подчеркивают культурные проблемы, при этом выбор иностранного партнера истолковывается как отсутствие культурной интеграции или национальной идентификации и ориентация на «родину». Другие аргументы касаются социально-экономических последствий транснационального брака. В связи с недавно введенными базовыми языковыми тестами считается, что мигранты имеют низкий уровень образования и, следовательно, низкую стоимость на рынке труда.

Интеграция используется для обозначения процессов вовлечения мигрантов в принимающее общество. Она рассматривается как двусторонний процесс участия и изменения, в котором люди участвуют в различных сферах жизни общества: структурной (как участие на рынке труда или в системе образования), социальной, культурной, гражданской и политической, а также в отношении идентичности.

Интеграционные процессы в этих областях носят двунаправленный характер в двух смыслах: взаимодействие вовлекает не только новичков, но и устоявшихся резидентов и институты; и в том смысле, что процессы могут быть обращены вспять. За участием на рынке труда может последовать безработица; сильное чувство национальной идентичности может быть подорвано событиями, которые приводят к чувству отрешенности и отторжения.

Отдельные лица редко являются изолированными существами, но встраиваются в семейные и социальные сети. Интеграционные процессы также явно имеют место – местные, где происходит большинство взаимодействий и формируются вложения, а также национальные (источник, например, правовых и политических рамок, которые могут способствовать или препятствовать интеграции) и транснациональные [32].

Более того, существует модель семейной миграции как альтернативная возможность интеграции, предложенная Бейкером и Бенджамином (1997) [33]. Она предсказывает, что женщины-иммигрантки сначала занимают тупиковую работу для финансирования инвестиций в человеческий капитал своих мужей и в конечном итоге выходят из рынка труда или сокращают предложение рабочей силы по мере улучшения результатов на рынке труда своих мужей [34].

3.2 Политика интеграции женщин-мигранток в Канаде

В 2013 году в рамках проекта «матери-мигрантки» было проведено исследование, чтобы понять, как иммиграционная политика и политика в отношении беженцев влияют на безопасность иммигрантов, имеющих ненадежный статус. С 2008 года Канадское правительство внесло беспрецедентные законодательные и нормативные изменения, которые повлияли на доступ иммигрантов и беженцев к юридическому представительству, доступу к социальным и медицинским услугам и доступу к постоянному месту жительства.

Иммиграционная политика играет сложную роль в спектре насилия в отношении женщин, определяя, кто может въехать в Канаду и какие права человек может требовать от государства. Поскольку женщины чаще въезжают в Канаду в качестве супруга-иждивенца или по “низкоквалифицированной” временной рабочей визе, иммиграционная политика также ставит женщин в уязвимые ситуации, когда их спонсор (обычно их супруг / партнер или работодатель) контролирует их иммиграционный статус. Угроза задержания и депортации создает дополнительную опасность для женщин, которые опасаются, что о них сообщат иммиграционные власти, если они обратятся за помощью в полицию или попытаются получить доступ к услугам [35].

Растущая зависимость Канады от временных иностранных рабочих и нестабильная миграция является частью глобальной тенденции, гибкости рынка труда и опоры на информационные технологии. Чтобы сохранить свою роль в качестве ключевого игрока в мировой экономике, Канада вознаграждает высококвалифицированных мигрантов, которые поддерживают ее экономический рост, путями к постоянному месту жительства. Мигранты, работающие в “неквалифицированных” профессиях вынуждены находиться в “неустойчивой занятости”, которая характеризуется неуверенными договорами и недостатком заработной платы для поддержки семьи [36]; качества, которые усугубляют гендерное и расовое неравенства в Канаде [37].

Неравенство доходов является наиболее острой для расовых женщин, которые зарабатывают в среднем на 56 процентов (25,204 \$/ год) по сравнению со средней заработной платы для белых мужчин в Канаде (45,327 \$/год) [38].

Учитывая эти цели, иммигранты допускаются в Канаду в качестве постоянных жителей в трех широких категориях: экономический класс, семейный класс или класс беженцев. В 2013 году на 54,1% женщин постоянные жители были допущены в экономическом классе (19,7% как основные заявители и 34,4% в качестве супруга или зависимого от основного заявителя), 34,3% были разрешены в соответствии с положениями семейного класса, и 8,9% были приняты в качестве беженцев. По сравнению с женщинами большая доля (60,6 процента) постоянных жителей-мужчин была принята в экономический класс (30,7 процента в качестве основных заявителей и 29,9 процента в качестве супруга или иждивенца основного заявителя), в то время как меньше (27 процентов) были приняты в семейный класс, а аналогичная доля (9,7 процента) была принята в качестве беженцев [39].

3.3 Политика интеграции женщин-мигранток в Греции

В Греции существует ряд программ ЕС и национальных программ. Таким образом, мигранты как отдельная целевая группа включены в ряд программ, направленных на борьбу с социальной изоляцией. С 2000 года во всех официальных документах и национальных планах действий в области занятости (НПД) прямо признается благотворное воздействие занятости мигрантов [40]. Основной проблемой остается отсутствие координации между различными государственными службами, обладающими компетенцией по осуществлению миграционного законодательства, а также активной политики в области занятости.

За некоторыми исключениями женщины-иммигрантки не учитываются при формировании политики и ее осуществлении. Женщины-мигрантки почти «невидимы» как на рынке труда, так и в обществе в целом [41]. Однако эти меры не затрагивают некоторые из наиболее серьезных проблем, с которыми сталкиваются иммигранты, например, тот факт, что их навыки и опыт не признаются должным образом греческими работодателями. Кроме того, институциональная основа была разработана для помощи первоначальному большинству мигрантов, т. е. мужчин, и охватывает лишь в весьма ограниченной степени особенности женщин-мигранток. С другой стороны, новый закон не содержит никаких положений по ряду других вопросов, касающихся, например, незамужних матерей или матерей-одиночек, религии или культуры, трудовых прав и зависимости женщин от своих мужей в вопросах выдачи разрешений или продления.

Политика не только ориентирована на мужчин, но и ориентирована на семьи, принимая довольно патриархальный подход к мигрантам. Это резко контрастирует с новой реальностью и тем фактом, что наблюдается растущая тенденция к феминизации миграции.

Таким образом, многие страны пытаются разрабатывать систему помощи мигрантам, но гендерный аспект до сих пор прослеживается в официальных документах. Европейскими странами были предприняты усилия по улучшению интеграции рынка труда, но политика по-прежнему игнорирует гендерный аспект и диверсифицированные потребности женщин-мигрантов. Деквалификация является общей темой в рамках всех докладов и тем, что все чаще рассматривается рядом международных организаций. Проблемы неспособности признать потребности женщин-мигрантов и уровень образования; отсутствие признания квалификаций женщин из-за пределов ЕС; направление их на рабочие места, не отражающие уровень образования – все это должно регулироваться и решаться.

Как прокомментировал греческий доклад, «многие оказываются в ловушке замкнутого круга статуса временного / законного мигранта, небезопасной рабочей среды, благодаря чему они работают в сфере внутреннего обслуживания, уборки и ухода»[24].

В разработке и применении таких мер необходимо задействовать широкий спектр организаций, включая государство, профсоюзы, НПО и мигрантские организации. Во Франции, например, после забастовок мигрантов, не имеющих документов в 2010 году, законодательство о регулировании за период (июнь 2010 года) открыло большее число профессий для лиц из-за пределов ЕС. Таким образом, только разработанное государством законодательство может решить проблему интеграции женщин-мигранток в принимающие страны.

4 Новые траектории интеграции мигрантов в систему общественных институтов

Миграционный процесс начинается задолго до непосредственного пространственного перемещения [42]. Перед этим, особенно если передвижение предполагает существенные изменения в структуре повседневности, переселенец собирает информацию о пункте назначения. Эта информация нужна для конструирования модели этого места, включающей особенности интеграции в принимающее сообщество, климата, возможностей трудоустройства, аренды жилья. При этом человек, пересекающий границу воображаемого сообщества, практически неизбежно будет испытывать дефицит информации.

Трансграничная миграция связана с огромными рисками и трудностями. Состояние переселенца можно описать в категориях фронта: он осваивает незнакомое пространство, заново наполняя смыслом собственную повседневность. Это порождает огромный спрос на информационные ресурсы, которые помогают снизить уровень неопределенности, и, соответственно, риски, связанные с переездом. Дома переселенец может получить помощь, используя неформальные социальные сети, однако, покидая свое сообщество, он лишает себя такой возможности.

Отчасти дефицит поддержки неформальных сетей в принимающем сообществе компенсируют «Мигрантские» интернет-сообщества. Они создают «иллюзию своего», предоставляя доступ к опыту людей, уже прошедших через связанные с миграцией и в той или иной степени интегрированных. Стремление найти «своего» в незнакомом месте приводит к тому, что переселенцы конструируют на различных интернет-площадках группы, объединенные страной исхода или языком. В них может войти любой заинтересованный в переселении в тот же регион человек, говорящий на том же языке.

Войдя в подобную группу, человек получает доступ к огромному массиву текстов, где в подробностях обсуждаются различные аспекты переезда и интеграции в данном регионе, начиная от того, какие документы необходимо собирать для получения туристической визы, заканчивая тонкостями работы налоговой службы в том или ином регионе страны приема. В нарративах интернет-сообществ формируется «реальность второго порядка» [43] страны приема. Подобные реальности «второго порядка» оказывают огромное влияние на совершаемые человеком в «настоящей» реальности действия. На основе этой модели, трудностей, которые удалось выявить в процессе ее построения, осуществляется выбор тактики.

На помощь переселенцу приходят многочисленные youtube и telegram-каналы, группы в социальных медиа, веб-форумы. Особенность данных ресурсов и особенно веб-форумов, в том, что здесь существует принятая по умолчанию иллюзия закрытости сообщества: люди, принимающие участие в обсуждении той или иной проблемы, не опасаются вмешательства внешнего наблюдателя. Этому способствует анонимность большинства участников обсуждений, языковой и тематический фильтры. Здесь не имеют власти условности и ограничения, существующие в СМИ, могут свободно обсуждаться экстралегальные и нелегальные практики.

Важнейшим ресурсом в «мигрантских» интернет-сообществах становится доверие. Оказанная услуга формально ни к чему не обязывает, но сильно повышает шансы человека рассчитывать на ответный жест. Например, если один переселенец помогает посетителю форума, находящегося на нелегальном положении, получить работу, то в будущем тот может в благодарность оказать ему встречную услугу. В результате в описываемых группах формируются столь важные для минимизации неопределенности описанные Грановеттером «слабые связи» [44].

Любое высказывание подвергается коллективной цензуре, сообщество оценивает информацию, поступившую от члена группы и выносит вердикт, стоит ли ей доверять. Подобные диалоги могут рассматриваться как потенциальные тактики переселения в определенный регион, и, оценивая тот или иной субъективный опыт, а также – коллективное его обсуждение, человек может выбрать наиболее подходящий для своей ситуации порядок действий. Помимо этого, любой потенциальный мигрант может рассчитывать на информационную поддержку сообщества по интересующей его специфической проблеме, просто задав вопрос в комментариях.

Виртуальные тактики миграции представляют большой интерес, так как они позволяют увидеть не только пути адаптации, но и их контекст, причины, по которым люди после переезда собираются действовать так или иначе. Наблюдение за нарративами социальных медиа дает возможность отслеживать формирование горизонтальных «слабых связей», если рассматривать мигрантские группы в интернете как аналог описанной С. Барсуковой «ярмарки постсоветского блага» [45]. Здесь люди пытаются «достать» эксклюзивный товар или услугу, по большей части речь идет именно об эксклюзивной информации.

Мигрантские сообщества можно разделить на несколько групп. Первая – веб-форумы. Их огромное множество, они объединяют переселенцев из общего региона исхода, состоявшихся и потенциальных, или говорящих на одном языке. Форумы

содержат различные тематические ветки, где обсуждаются конкретная проблематика, например – легализация или трудоустройство в том или ином городе, особенности взаимодействия с государственными структурами. Среди них можно выделить форум узбеков, проживающих в РФ, форум русских переселенцев в США, из стран СНГ в России и многие другие. Здесь можно встретить переселенцев, имеющих высокую квалификацию, например, в вопросах миграционного законодательства, в том числе и практикующих юристов, врачей, риэлторов, которые могут бесплатно оказывать консультации всем желающим.

Следующая группа ресурсов – связанные с миграцией тематические каналы на youtube. Они представляют собой сборники интервью по тематике миграции в ту или иную точку земного шара, с подробным разбором опыта автора по переезду, интеграции и легализации. Среди них можно выделить несколько каналов, непосредственно связанных с нелегальной миграцией. Они представляют собой инструкции по выживанию на нелегальном положении в Испании, Польше, США. Их авторы также могут давать советы новоприбывшим насчет того, как избежать тех или иных рисков, максимально упростить процедуры легализации, решить определенные трудности организации быта, как на плату, так и на добровольных началах.

Не менее интересный тип – сообщества в социальных сетях: vk, facebook и других. Здесь можно встретить такие названия как «кыргызы Москвы», «русские в Нью-Йорке», «наши в Майами». Они представляют собой сообщества проживающих на определенной в названии территории людей, которые также обмениваются информацией о различных услугах, способах выживания. Здесь же можно встретить сообщества, предоставляющие различные услуги, вроде организации фиктивного брака, аренды жилья или трудоустройства. Часть этих групп, судя по контексту, ведут люди, имеющие опыт работы в связанных с миграцией государственных контролирующих структурах.

Тематически нарративы, представленные здесь, можно разделить на несколько групп. Очевидно, что спектр тем весьма разнообразен, однако некоторые явно находятся в приоритете, так как обсуждаются чаще и вызывают интерес большего количества посетителей. Основной массив русскоязычных ресурсов, посвященных миграции, сосредоточен на процессе легализации в стране приема. Здесь в мельчайших подробностях описываются процедуры получения гражданства РФ и США, российской регистрации временного пребывания, разрешения на работу и прочих многочисленных процедур, входящих в официальный ритуал интеграции в принимающее сообщество.

Обсуждается и проблема интеграции в принимающее сообщество, причем зачастую легализация по значению разводится с легализацией, а порой даже ей противопоставляется. Здесь «мигрантские» сообщества предлагают несколько видов как платных, так и бесплатных услуг, включая, например, посредничество при поиске работы, как легальной, так и нелегальной. Формы посредничества могут быть очень разными: например, условная компания может взять на себя расходы по официальному трудоустройству человека в США, за это потребовав с его работодателя часть его месячного заработка в дальнейшем. Сюда же можно отнести и проблемы, связанные с детским образованием, здравоохранением, арендой жилья.

Практически на каждой «мигрантской» интернет-площадке пристальное внимание уделяется механизмам позволяющим упростить или обойти формальный порядок легализации в стране приема. Они весьма разнообразны, начиная от услуг по оформлению разрешения на временное проживание и заканчивая предложениями купить фальшивые паспорта, составить историю для заявления на политическое убежище или заключить фиктивный брак. Обсуждаются различные типы въездных документов, возможности, которые они предоставляют, особенности процедуры их получения. Также рассматриваются достоинства и недостатки жизни на нелегальном положении в той или иной стране.

Многие респонденты изначально исходят из того, что по легальному пути пройти не удастся, и уже на этапе выработки стратегии начинают с нелегальных вариантов [46]. На мигрантских интернет-форумах часто можно наблюдать дискуссию относительно как этической, так и практической приемлемости «нелегальной» тактики миграции. В них можно выделить несколько паттернов: нелегальный путь неприемлем, так как риски слишком высоки; нелегальный путь неприемлем, так как это является нарушением этических норм принимающего сообщества; нелегальный путь приемлем, хотя и рискован; нелегальный путь предпочтителен. Интересно то, что все перечисленные типы нарративов объединяет согласие с тезисом о чрезвычайной сложности процедуры легализации, однако выводы из этого делаются прямо противоположные.

Дискуссия сводится к попыткам переопределения понятия «мигрант», а также – к тому, стоит или не стоит соглашаться с маркированием себя как «мигранта», начиная официальную процедуру легализации. При общем (за редкими исключениями) согласии с тем, что «мигрант» – это своеобразная стигма, а утомительная и унижительная процедура легализации становится расплатой за возможность жить в стране приема, часть переселенцев рассматривают нелегальный путь как обман доверия принимающего

сообщества, паразитизм и совершенно неприемлемую практику. Другие, напротив, называют это единственным способом выжить, переезжая через границу без крупных накоплений. В нарративах мигрантских сообществ РФ готовность пройти унижительный ритуал часто рассматривается как необходимое зло легализации, от которого хорошо бы избавиться. В нарративах «мигрантских» групп легализация рассматривается именно как ритуал, или обряд инициации, имеющий больше символическое, нежели практическое значение. Подчеркивается, что легализация не способствует, а иногда и препятствует интеграции в принимающее сообщество.

Пройти через сложные процедуры получения разрешения на временное проживание и вида на жительство без помощи знакомых в госструктурах или посредников считается в мигрантских интернет-сообществах большой заслугой. Однако, даже юридически подкованные переселенцы оказываются в сложных ситуациях не по своей вине.

Вне зависимости от того, какую пользу приносит принимающему сообществу «нелегальный» мигрант и насколько он в него включен, несоблюдение ритуала влечет за собой санкции. Огромной проблемой становится несоответствие затраченных на прохождение ритуала легализации усилий и полученного результата. Респонденты, опрошенные в ходе проекта по изучению открытых рынков Иркутска, отмечают: цена легализации столь высока, и речь прежде всего идет именно о временных затратах, что первое время переселенец, не имеющий больших сбережений, вынужден находиться на нелегальном положении, чтобы накопить на прохождение ритуала. После того, как процедура была пройдена, часто выяснялось, что она существенным образом не сказывается на качестве жизни переселенца.

Так, один из респондентов, зубной врач из Киргизии, надеялся на то, что, легализовавшись, сможет работать в России по специальности. Процесс легализации занял у него несколько лет, в ходе которых он нелегально работал на рынке. Накопив необходимые ресурсы и пройдя ритуал, он обнаружил, что единственная работа, на которую он может рассчитывать - продавец на том же открытом рынке. Единственное отличие заключалось в том, что ему больше не приходилось в спешке покидать рабочее место во время полицейских облав.

Работа в отраслях, которые не относятся к самым востребованным на мировом рынке труда, может не иметь смысла для переселенца, если он пытается идти законным путем. Затраты на легализацию оказываются выше потенциальной прибыли. Не стоит забывать и об огромном количестве экстралегальных поборов, которые также стоит

включить в смету. Это усложняет и без того сложную процедуру легализации, заставляя переселенца совершать преступление даже в ходе процесса легализации. Об этой проблеме упоминают даже репатрианты, которые проходят процедуру легализации в упрощенном порядке [47].

Судя по рассмотренным нарративам, большая проблема ритуала легализации еще и в том, что он может совершенно не учитывать ни интересов самих переселенцев, ни интересов представителей принимающего сообщества. Легализация может быть препятствием к интеграции еще и в тех случаях, когда человек вынужден работать нелегально, пока ждет разрешения на работу. Пока переселенцы находятся между легальным и нелегальным положением, формальности могут стать поводом для применения санкций. Аналогичные истории можно найти на русскоязычных ресурсах в Испании, Польше.

Сильно усложняет жизнь переселенцам размытость правил, регламентирующих ритуал. Сложность миграционного законодательства умножается в десятки раз для человека, не имеющего юридического образования, плохо знающего язык. Это усугубляется большой разницей в практиках правоприменения на местах, которая существует как в РФ, так и в США. Разница в локальных практиках способствует тому, что некоторые потенциальные переселенцы даже не знают, что своими действиями нарушают десятки законов страны приема. Получается, что официальный путь также может зависеть от множества случайностей, и даже доскональное знание законов не гарантирует достижение желаемого результата.

Одновременно сложности и риски, связанные с нелегальным статусом отнюдь не становятся препятствием для желающих мигрировать в другую страну. Более того, в ряде случаев именно этот путь представлен как предпочтительный, особенно если речь идет о переезде в страну, где действует миграционная амнистия. Здесь можно сослаться на две наиболее показательных истории, которые удалось найти на youtube. Первая описывает переезд автора в Испанию и жизнь там по туристической визе. Самым важным для нелегала автор называет при этом неформальные контакты с местным сообществом и другими мигрантами. Общение, активность в социальных медиа позволяет найти «единственно возможную» для нелегала работу – на стройке. Работа с местными помогает выучить язык, расширить социальный капитал. Постепенно у автора появилась возможность накопить немного денег, закончить языковые курсы и начать свое дело [48]. Другой автор рассказывает о своем опыте переезда в США. Не имея больших накоплений, образования, не зная языка, он отправился в страну по туристической визе. Как и в первой

истории, работу и жилье он получил через неформальные сети, в которые были включены его знакомые. Соглашаясь на низкую зарплату, он избавлялся от необходимости предоставлять разрешение на работу. Вопрос легализации у него встал также уже после того, как он успешно интегрировался в местное сообщество. И первая, и вторая история, судя по контексту комментариев, воспринимается частью аудитории как руководство к действию.

4.1 Детское образование и переопределение «легальности»

Изначально выбирая нелегальный путь, переселенец существенно экономит свое время и ресурсы, получая, в общем-то, те же преимущества, что и «легализованный» человек, в обмен на значительный риск быть депортированным. Конечно, такой путь подразумевает огромные риски, однако для многих они оказываются приемлемыми, тем более, что «официальный» путь может быть немногим безопаснее. Часто депортация не воспринимается как угроза, поскольку многие переезжают наобум, не зная языка и без гроша в кармане. Депортация превращается в серьезную угрозу в тот момент, когда переселенец успешно интегрировался в сообщество и обзавелся семьей, постоянным источником дохода.

В этом случае выдворение и запрет на въезд может разрушить вполне себе успешно выстроенную жизнь. Об этом свидетельствуют многочисленные обсуждения в «мигрантских» группах проблемы отмены запрета на въезд, когда, например, по одну сторону границы остается женщина с несовершеннолетним ребенком, а единственный кормилец – по другую, с запретом на въезд. Подобное может происходить по разным причинам. Одна из них – семья, пересекающая границу, не может себе позволить параллельное прохождение ритуала легализации всеми членами одновременно. Кому-то приходится работать, пока остальные собирают документы. В итоге единственного кормильца могут депортировать, а дети и другой супруг останутся по другую сторону границы.

Дополнительные сложности для «семейных» мигрантов возникают из-за необходимости обеспечивать детям образование или присмотр, в случае если и муж и жена вынуждены работать. Дети при переселении становятся серьезным затруднением, так как не только ставят проблему образования, они также должны пройти через процедуру легализации, причем все ее тяготы ложатся на родителей. Чрезмерная зарегулированность может становиться причиной больших трудностей при легализации детей. Судя по контексту «мигрантских» социальных медиа, проблема одинаково актуальна как для переселенцев в РФ, так и в США. На детей распространяется стигма родителей-переселенцев, это выражается, например, в том, что им гораздо труднее попасть в детский сад или школу. Как следствие, «семейная» миграция становится причиной появления уникальной инфраструктуры, которая устраняет недостатки нормативной базы.

Проблемы с детским образованием могут появиться даже у тех, кто прошел через ритуал легализации. «Мигрантские» детские сады отличаются по стоимости от

«обычных» частных садов в несколько раз. Многие из них выросли из повседневных практик «семейных» переселенцев оставлять детей под присмотром старших из них пока родители работают. Некоторые на начальном этапе представляли собой группы взаимопомощи и затем, по мере расширения, владельцы стали взимать с клиентов плату. Частные детские сады позволяют решить проблему разделенности семей, когда мать вынуждена работать в другой стране, оставив детей дома. С другой стороны, они существенно упрощают официальный путь. Помимо «этнически» маркированных детских садов мигранты создают «мусульманские» детские сады и школы. Информация о них также распространяется «среди своих», только в одном случае это кыргызские группы в Москве, во втором случае – группа «мусульмане Москвы».

Аналогичная проблема обсуждается и в группах русскоязычных переселенцев в США. Причем в обсуждении участвуют не только «нелегалы», но и люди, которые хотят просто побыть в стране до полугода по приглашению или турвизе. Такой длительный срок предполагает необходимость думать о том, как устроить ребенка в школу.

Далее разворачивается стандартная дискуссия, где одна сторона категорически против того, чтобы дети «нелегалов» учились в государственных школах, называя это «воровством». Другие участники обсуждения считают это вполне приемлемым поведением. То есть, как минимум одно условие, выполнение которого крайне затруднительно для тех, кто недавно въехал в страну, вне зависимости статуса. В «мигрантских» группах отмечают, что у новоприбывшего большие трудности с легальной арендой жилья, так как арендодатели, «лэндлорды», требуют от съемщика ряд документов, которые мигрант физически получить не может. Например – рекомендательные письма от предыдущих «лэндлордов», аналог российской справки о доходах. Если же человек работает, имея лишь туристическую визу, путь в школу для его детей заказан.

Проблема детского образования встает не только у людей, находящихся на нелегальном положении, но вообще у всех, кто пытается устроить детей в школу, не являясь гражданином страны. «Пограничное» состояние переселенцев определяется и их «межстатусным» состоянием: пока осуществляется обряд легализации, права и обязанности переселенцев неконкретны. Они как будто перестают существовать, о чем свидетельствуют споры вокруг «законности» той или иной практики, когда диспутанты ссылаются на одну и ту же норму.

Для части пользователей «нелегал» не означает «человек, нарушающий законы» – любой мигрант по умолчанию является нелегалом. Вчерашние переселенцы называют

новоприбывших «ворами» и «понаехавшими», высказывают надежду на то, что страна будет «жестче относиться» к мигрантам. В этом споре бизнес явно занимает сторону сторонников «нелегалов», относится к мигрантам, не имеющим статус, с гораздо большей терпимостью. И российский и американский кейс показывает, что мелкий и средний бизнес, криминальный и полностью законный, находит многочисленные лазейки в процедуре легализации и использует это к собственной выгоде, а иногда и к выгоде мигрантов. Начиная от очевидных и крайне востребованных услуг, вроде «мигрантских» детских садов и посреднических услуг и заканчивая такими эксклюзивными как фиктивный брак или сочинение истории для политического убежища, бизнес также пытается внести свой вклад в переопределение «нелегальности» и «мигрантов».

Такие попытки переопределить понятие «нелегал» неудивительны: огромное количество предпринимателей заполняют пробелы законодательстве стран, принимающих мигрантов помогая последним адаптироваться, снизить издержки легальности и интегрироваться в принимающее сообщество. Свои услуги они также довольно часто размещают в «мигрантских» группах.

4.2 «Бумажные браки» и сказки об ущемлении: бизнес в «мигрантских» интернет-сообществах

Сложный и длительный ритуал легализации, стигматизация самого процесса перемещения через границы воображаемых сообществ, приводят к вытеснению масс потенциальных переселенцев в серую зону еще до того, как они решатся на такое действие. Мигрантские сообщества в сети предлагают потенциальным переселенцам огромный комплекс легальных и нелегальных услуг, направленных на минимизацию издержек легальности. Они затрагивают буквально каждый аспект миграционного процесса. Помимо помощи в прохождении ритуала легализации, переселенческие сообщества способствуют организации повседневности в стране приема. Через эти группы можно найти работу, жилье и поддержку участников.

Часть услуг, предоставляемых в группах, являются откровенно криминальными, как, например, предложения по изготовлению фальшивых документов. Здесь встречаются, например, автоматически сгенерированные объявления, без единого комментария. Форумы предполагают возможность оценить качество предоставляемой услуги, связавшись с поставщиками. Встречаются предложения, исходящие от «живых» пользователей, где они отвечают на вопросы заинтересованной публики. Предлагаемые документы должны быть зарегистрированы в официальных базах данных и могут помочь пройти серьезные проверки. К сожалению, из контекста сообщений неясно,

предоставляют ли авторы объявления какие-либо гарантии, или же это просто очередная афера, однако сам факт широкого распространения аналогичных объявлений на мигрантских форумах говорит о востребованности услуги.

Чаще встречаются предложения, которые прямо не нарушают закон, однако дают возможность серьезно сэкономить время и деньги на ритуале легализации. Как правило, они связаны со спецификой миграционного законодательства конкретного региона. Так, в российских приграничных городах особенно популярны услуги по сопровождению «въезда-выезда» из РФ, что дает основания для продления «миграционной карты». В США – услуги по созданию истории для политического убежища.

Огромной популярностью в русскоязычных сообществах переселенцев, живущих в США, пользуются услуги по составлению и дальнейшему сопровождению историй, которые могут стать основанием для предоставления политического убежища. Этот способ в «мигрантских» группах считается одним из самых простых способов легализоваться. Некоторые потенциальные переселенцы изначально выстраивают траекторию миграции и дальнейшей интеграции в стране прибытия на этой истории.

Услуги по созданию и сопровождению таких историй предлагают сотни юридических организаций и частных лиц, последние берут меньше, чем дипломированные юристы, однако чаще всего не дают никаких гарантий. Встречаются случаи, когда юридические лица берут плату за предоставленные услуги только после успешного прохождения процедуры. В нарративах предлагающих подобные услуги специалистов также встречаются попытки переопределения «нелегальности». Юристы подчеркивают, что они не занимаются «придумыванием» историй, просто многие из их клиентов не знают о том, что их притесняли в стране исхода по политическим соображениям, они лишь помогают им это понять.

Подобные фирмы предлагает редактирование уже готовых историй, консультации с адвокатами насчет того, какие моменты из истории следует опустить, какие – усилить, а также – помогают собрать доказательства дискриминации в стране исхода: «Многие люди имеют превратное представление о том, что притеснение обязательно означает угрозу физической расправы. На самом деле тема очень многогранна, очень много людей под это подходит, очень много случаев можно представить как прошение. Если думаете, что у вас нет никаких преследований, мы вам докажем что это не так. Возможно, что прецедент будет. В большинстве случаев (когда к нам обращались за помощью) оказывалось, что притеснения есть и они достаточно серьезны» [49].

Некоторые организации устраивают в «мигрантских» группах что-то вроде распродаж и рекламных акций. Подобные экстралегальные услуги пользуются огромным спросом, сочинение историй для политического убежища поставлены на поток. В ряде случаев подобный механизм становится изначальной целью при планировании потенциальной траектории миграции. Политическое убежище как способ легализации получил настолько широкое распространение, что отдельной темой обсуждения в мигрантских сообществах становится выбор конкретной конторы, к которой можно обратиться, а также – связанные с этим инструментом скандалы. В отдельный кейс можно выделить услугу по предоставлению заинтересованным лицам рабочей визы. Она стоит дороже и больше подходит «семейным» переселенцам, так как дает их детям беспорное право на обучение.

Пользуются спросом, судя по обилию соответствующих объявлений и обсуждений, услуги по заключению фиктивного брака. Ее предоставляют как частные лица, так и фирмы. Существует огромный массив нарративов, где авторы делятся опытом легализации с помощью фиктивного брака в США, Турции, РФ, Канаде, Польше, Испании. Браки рекомендуются пользователями сообществ как один из наиболее простых способов обойти ритуал легализации. На форумах предоставляют информацию о ценах на фиктивный брак в разных городах, риски, связанные с этим, а также о том, как защитить себя от мошенничества, действуя без помощи посредников [50].

Существует несколько универсальных советов, которые встречаются практически в любых нарративах, посвященных данному инструменту снижения издержек легальности. Желаящим вступить в бизнес-брак советуют проворачивать это в небольших регионах, так как там и цены ниже и контролирующие органы не столь искушенные. Рекомендуют при подборе партнера следить, чтобы у последнего не было криминальной истории и больших долгов по кредиту. Так, например, в Майами цена бизнес-брака может быть от 10 до 15 тысяч долларов, в Нью-Йорке – 20-30. В российских регионах цены также сильно отличаются. Самый дешевый вариант в Москве обойдется в 90 тысяч рублей, в Ярославле – 30 тысяч. Вариант с выездом в любой интересующий потенциального мигранта город обойдется в 150 тысяч.

Связанные с фиктивным браком риски не могли не породить рынка посредников, предлагающих их снизить. Так в русскоязычных сообществах США можно встретить рекламу детективных агентств, которые помогут проверить финансовое состояние и криминальную историю потенциального супруга.

В России фирмы-посредники заманивают клиентов тем, что помимо жениха/невесты предлагают оформить рвп, взять на себя оформление документов. Компании и частные лица, предлагающие услуги по организации брака в разных странах, предпринимают попытки для переопределения коннотации этого термина. Как правило, они сводятся к тому, чтобы сомнительную с точки зрения нормы практику представить как атрибут современного города, за которым просто не поспевает консервативное государство. Определение, предполагающее незаконность, или нелегальность происходящего заменяется на нейтральное, с пространственным объяснением, почему эта деятельность не является чем-то предосудительным. Так, одна из российских фирм сопровождает коммерческое предложение вводной статьей, в которой подобные браки определяются как «деловые», как «современное явление», которое стало «нормой для любого мегаполиса». Если слово «фиктивный» подразумевает незаконный характер действия, имеет негативную коннотацию, то словосочетание «деловой брак» выглядит более пристойно [51]. Часто как «деловой» или «бизнес-брак» свои услуги определяют авторы частных объявлений.

Некоторая их часть может быть проинтерпретирована как приглашение к фиктивному браку, который потенциально может перерасти в «настоящий». Такие переходы, кстати, не являются редкостью. Пользователи, которые такую возможность не рассматривают, специально указывают в объявлении, что оказываемая ими услуга не предполагает «совместного проживания» и «обязательств».

Брак с переселенцем является выгодной сделкой для обеих сторон. Для мигранта такой брак становится способом избавления от стигмы, для представителя принимающего сообщества – получать за это дивиденды до конца своих дней, или до прекращения брачных отношений. Вступая в брак с мигрантом, представитель принимающего сообщества отчасти разделяет лежащую на нем (или на ней) стигму: зачастую подобные практики рассматриваются как союз с человеком второго сорта. Подобное отношение можно встретить как на «женских» форумах, так и в СМИ. Так, в одной из статей московская журналистка дала любопытное определение «фиктивного брака», которое прекрасно иллюстрирует ситуацию: «Фиктивный брак – это брак, заключенный между россиянкой и гастарбайтером» [52]. Соглашаясь на то, чтобы «фиктивный» брак перешел в «настоящий», представители принимающего сообщества соглашаются пожизненно разделять эту стигму в обмен на пожизненное же содержание.

Широкая распространенность фиктивных браков в сообществах переселенцев приводит не только к упрощению процедуры легализации, но и к довольно

многочисленным сложностям. Так, например, распространение этой практики в США привело к появлению настолько жесткой процедуры проверки, что ее не всегда могут пройти «настоящие» пары. Фактически, законно пройти такое интервью невозможно, поскольку оно предполагает, что супруги на все вопросы будут отвечать совершенно одинаково. На форумах упоминаются истории, когда основанием для отказа в признании брака легальным стало то, что жена не знала, в каком углу кухни стоит мусорное ведро, так как мусор обычно выбрасывал муж.

Пары, вынужденные проходить через этот ритуал, напоминают школьников, которые загодя покупают в интернете вопросы к ЕГЭ. Буквально, не зная вопросов и не подготовившись к ним заранее заключить брак с иностранцем невозможно: представления миграционной службы о настоящем браке сильно отличаются от того, как он выглядит на самом деле. В России фиктивные браки приводят к тому, что иногда после заключения такого союза пары не могут развестись, так как пропадает один из супругов, и это становится препятствием к заключению «настоящего» брака.

Ставки высоки, но, видимо, официальный ритуал для многих становится невыносимым настолько, чтобы их принять. Гораздо проще заплатить один раз, предварительно выискав на форумах относительно надежного партнера и тем самым оградить себя от бюрократического кошмара [53]. Помимо содействия прохождению ритуала легализации, «мигрантские» интернет-сообщества способствуют интеграции переселенцев. Одной из самых популярных категорий в группах в социальных сетях и на форумах остаются объявления о поиске работы и жилья. Пользователи размещают как легальные, так и нелегальные вакансии. В основном они относятся либо к сфере строительства, либо услуг, либо связаны с производством, грузоперевозками и ЖКХ.

В пример можно привести группу «мусульмане Москвы» в «ВКонтакте», где размещается полезная как для внешних, так и для внутренних мигрантов информация. Состоящий в ней человек может за несколько дней решить проблемы с жильем и работой в Москве, не имея легального статуса. Через описываемые сообщества можно найти жилье, на любой вкус, практически в любом городе, начиная от квартир в центре Москвы, заканчивая комнатами на окраинах. В сети можно без труда найти аналогичные сообщества, основанные на принципе землячества: в киргизских, узбекских, украинских, таджикских группах предлагают работу, жилье и иногда помощь нуждающимся. Работодатель, который ищет дешевую рабочую силу, размещает объявление в сообществе, на свой страх и риск, то же самое делает и мигрант, откликаясь на него. И тот, и другой

получают свою выгоду, рискуя оказаться жертвой мошенников или контролирующих органов [54].

Подобные русскоязычные группы существуют и в США. Здесь также можно найти жилье и работу людям любого статуса и материального положения. Неофициальный характер того или иного объявления, естественно, не подчеркивается, но упоминается список документов, необходимых для занятия вакансии. В случае, если документов не требуется, это может означать, что ее может занять нелегал. Предоставляется возможность снять жилье, минуя обычные для этого процедуры – проверку нанимателя, его кредитной и криминальной истории.

Вышеприведенные примеры показывают, что мигрантские интернет-сообщества предоставляют желающим огромный спектр потенциальных траекторий миграции, которые могут подходить людям с любым доходом. Вне зависимости от того, насколько эти механизмы работают, тот факт, что множество людей пользуются непроверенными источниками информации, предпочитая риск официальной процедуре легализации, говорит, с одной стороны, о ее чрезмерной сложности, с другой – о ее абсолютной неэффективности. Риски использования «серых» тактик миграции действительно высоки. Об этом говорит как обилие посредников, предлагающих мигрантам силовое и юридическое прикрытие в случае нарушения их весьма неопределенных прав, так и множество нарративов в «мигрантских» группах связанных с очередным мошенничеством.

Какой бы путь ни выбрал потенциальный переселенец – легальный или нелегальный, эта траектория сильно зависит от того, какие советы он получает в мигрантских интернет-сообществах. Часто консультации в неформальных сообществах становятся более предпочтительными, нежели те, что получены в официальных ведомствах, по ряду причин. Как правило, реакции пользователя неофициальной группы приходится ждать не более пары часов, то есть, намного меньше, нежели реакции специалиста профильного ведомства.

Информация, исходящая от пользователя неформального канала, будет подана в гораздо более простой и понятной форме, нежели та, что будет исходить от официального лица. И, наконец, комментатор-мигрант будет давать совет именно с позиции мигранта, что вряд ли сможет сделать чиновник, а значит, его ответ будет учитывать больше специфических, понятных только переселенцу деталей. Более того, часто за помощью посетителей неформальных сообществ обращаются уже после того, как получили все возможные консультации от официальных лиц.

За помощью к участникам «мигрантских» интернет-сообществ обращаются также для того, чтобы проверить слухи, связанные с миграционным законодательством. Речь идет о популярном среди переселенцев в Россию способе обойти ныне отмененное правило, по которому они не могли находиться в России легально более трех месяцев. Люди по многу лет были вынуждены четыре раза в год пересекать границу РФ только для того, чтобы «обновить» штамп. Каждый новый въезд давал возможность остаться в стране еще на 90 дней.

Существование множества русскоязычных сообществ, в которых приводятся способы обойти формализованные механизмы легализации, может свидетельствовать о том, что потенциальные русскоговорящие мигранты изначально ориентированы прежде всего на использование неформальных сетей, и именно они рассматриваются как наиболее ценный ресурс. Что, впрочем, не означает обязательное использование нелегальных практик. В основной массе нарративов речь идет все же о максимальном упрощении процедуры легализации некриминальными способами: о поиске проверенных и недорогих юристов, работодателей, посредников. Обилие рецептов обхода официальной процедуры, а также сам факт того, что люди обращаются за информацией, от которой будет зависеть их жизнь, к источникам информации, надежность которых весьма сомнительна, говорит о том, что контролирующие органы стран приема не берут на себя задачу просвещения мигрантов относительно правил прохождения ритуала легализации.

Одной из возможных причин столь широкого обсуждения нелегальных и экстралегальных стратегий миграции в интернет-сообществах может быть чрезмерно усложненная процедура легализации в странах приема. Причем проблема здесь скорее не столько в законодательстве конкретной страны (хотя и в этом, безусловно, тоже), сколько в принятой по умолчанию стигматизации миграции. Само по себе перемещение через границы воображаемого сообщества может рассматриваться как «нелегальная» практика, а мигрант – как вечный подозреваемый. Такое отношение приводит не только к тому, что и без того драконовский ритуал легализации постоянно усложняется, обрастая новыми бессмысленными барьерами, но и уходу мигрантов в тень еще на этапе выстраивания тактики.

Можно предположить, что сложный и многоступенчатый ритуал посвящения в воображаемое сообщество приводит лишь к появлению воображаемых результатов: воображаемых «межнациональных» браков, воображаемых детей и вполне реальных разрушенных семей. Переселенцы всегда смогут найти лазейку в законодательстве, которая позволит срезать углы. В нарративах «мигрантских» сообществ попытки

контролировать миграцию напоминают вечную «войну с наркотиками» (риторика контролируемого бедствия), которую ведут силовые структуры в разных странах.

Вне зависимости от того, насколько справедливы представления о сложности ритуала легализации, изложенные в «мигрантских» интернет-сообществах, они заставляют потенциального переселенца еще на этапе планирования тактики переезда искать возможности в нем не участвовать. Поиск вариантов обхода установленной государством процедуры воспринимается как неотъемлемая часть процесса просчета траекторий миграции.

5 Специфика российского контекста социализации семей мигрантов

Существует значительный массив исследований [13], [55], [56], посвященных семьям мигрантов в России. Исследователи отмечали ряд сложностей, с которыми сталкиваются «мигрантские» семьи, включая невозможность профессионального самоопределения, неустроенность и формирование негативных эмоциональных состояний [57]. При этом отмечалось, что миграция постепенно обретает «семейные» черты, а важность семьи в повседневности переселенцев растет. Фоном для академических текстов становятся алармистские образы, рождаемые массовой культурой и СМИ, которые часто полностью заполняют информационное поле [58]. Образ врага может приниматься или оспариваться, однако, каким бы ни был контекст, авторы и журналистских, и академических текстов маркируют предмет своего исследования как «мигрантский»: «дети мигрантов», «семья мигрантов», «жены мигрантов». Маркирование в СМИ выделяет людей, о которых идет речь, в обособленные группы, обладающие определенным набором отличий по умолчанию.

Практики репрезентации темы миграции в медиа довольно часто попадали в исследовательское поле зрения. То, как миграция конструируется в медиа принимающим сообществом и самими мигрантами, описано на российских [59], израильских [60], корейских [61], и других [62] кейсах. Отмечалось сходство в создаваемых СМИ образах мигрантов и тех, что используются для конструирования образа врага [63]. Дегуманизованность мигранта, его эстетическая неприглядность, плюс терминология военного конфликта или полицейского отчета – один и тот же набор [64] инструментов используется в равной степени традиционными [65] и новыми [66] медиа, распространяясь и изменяясь с помощью массовой культуры.

Эти отличия конструируются СМИ с помощью определенного набора информационных поводов, в связи с которыми упоминаются мигранты, а также – довольно небольшого набора характеристик, с помощью которого создается их образ. При этом, в повестке дня [67] практически не отражается реальная проблематика, связанная с миграционными потоками. По другую сторону оказываются академические исследования, в которых «мигрант» определяется совершенно иначе, оспариваются выдвигаемые СМИ клише.

Кажется, что есть только два доминирующих в массовой коммуникации дискурса – сторонников и противников трансграничного переселения и связанных с ним социальных процессов среди принимающего сообщества. Причем позиция противников миграции, порой опирающаяся на совершенно иррациональные аргументы, доминирует и в медиа, и

в массовой культуре, и риторике официальных лиц. При этом, практически исключенными из дискурса остаются позиции самих мигрантов, артикулируемые как посредством специфических «мигрантских» СМИ [68], [69], [70], так и социальными медиа.

Этот массив нарративов представляет собой не меньшую ценность, нежели мифология (в понимании А. Лосева и Ю. Лотмана), закреплённая в повестке дня. Переселенцы оказываются в положении жителя фронта [71], вынужденного осваивать незнакомую среду обитания. Это рождает дефицит информации, постоянно воспроизводящую мифическую ситуацию, результатом которой отчасти становятся обсуждения связанной с миграцией проблематики в цифровых медиа. Социальные медиа, если рассматривать их как продолжение повседневной коммуникации [72] с аналогичным выстраиванием социальных «я», в этом контексте становятся способом преодолеть барьер. Последние рассматриваются как возможность рефлексии над тем или иным субъективным опытом или стереотипом, связанным с ситуацией фронта, в которой оказываются мигранты. Цифровые медиа становятся пространством, где совершаются непосредственные социальные интеракции, например, мигранты могут использовать их для того, чтобы снизить издержки легальности, принимающее сообщество – чтобы на этом заработать. В каком-то смысле они компенсируют отсутствие слабых социальных связей [44].

Наша задача состояла в том, чтобы определить, как меняются слова «семья», «дети», «родственники», после помещения на них маркера «мигрантские» в массовой коммуникации, а также описать «мигрантскую» семью как миф, который конструируется одновременно принимающим сообществом, и самими мигрантами; описать, какое значение приписывается словам «семья», «дети», «родственники», в тот момент, когда членам этих семей приходится сталкиваться с переселением через границу воображаемых сообществ [73]; сравнить нарративы социальных медиа и более «Традиционных» СМИ. Совпадает ли описываемая в двух группах проблематика, связанная с семьями, пересекающими границу? Насколько соотносятся страхи и ожидания, связанные с «семьями мигрантов» у представителей принимающего сообщества и самих мигрантов? Являются ли образы в разных группах цифровых медиа взаимоисключающими, или дополняют друг друга?

Проблема заключается в том, что далеко не всегда повседневный разговор [74] может оказаться доступным для исследователя. Как только последний включается в беседу, участники интеракции могут исключить табуированные коннотации из своей

речи, например – представители принимающего сообщества могут нивелировать мигрантофобский дискурс, мигранты – недовольство теми или иными практиками в принимающей стране. Также «мигрант» по вполне понятным причинам может исключить из коммуникации практики, рассказ о которых может поставить его в уязвимое положение. Иными словами, использование нарративов социальных медиа позволяет не только рассмотреть более полный спектр значений «мигрантской» семьи, но и снизить до минимума воздействие наблюдателя.

«Мигрантские» социальные медиа рассматриваются как попытка заменить конструируемые «лицом-к-лицу» слабые связи аналогом в цифровом пространстве. Здесь же происходит символический обмен между включенными в такие сети людьми и теми, кто лишь пытается получить входной билет туда. «Виртуальный национализм» (в смысле ассоциированности с определенным конструктом – воображаемым сообществом) приводит к распространенности огромного количества платформ, позволяющих визуализировать «этническую сеть» [75], наглядно демонстрирующую групповую принадлежность мигранта даже в ситуации включенности в ситуацию фронта. К услугам оказавшегося в ситуации дефицита информации мигранта оказывается множество групп в социальных медиа, созданных либо по принципу общности страны-донора, а также – особый тип ресурсов, где фактором консолидации становится то, что все члены этого сообщества – мигранты.

Сформулированные задачи предполагают анализ двух групп нарративов: «традиционных» СМИ и социальных медиа. Среди множества разнообразных «мигрантских» медиа предпочтение было отдано довольно специфическому жанру интернет-коммуникации, а именно – сообщениям на форумах, предлагающих юридическую помощь мигрантам в РФ. Здесь обсуждается практически весь спектр юридических вопросов, связанных с миграцией в Россию, начиная от способа получения РВП и ВНЖ до безосновательной депортации. Пользователям дают советы как мигранты, имеющие опыт преодоления той или иной сложной ситуации, так и миграционные адвокаты, а также бывшие сотрудники УФМС. Подобные форумы интересны тем, что они аккумулируют огромный массив текстов, в которых самым подробным образом описывается связанная с российским миграционным законодательством проблематика.

Ими одинаково пользуются и те, кто только подумывает мигрировать и начинает собирать информацию, так и оказавшиеся в критической ситуации в чужой стране, требующей немедленного решения. Подобные интернет-площадки становятся одновременно жалобной книгой, обществом взаимопомощи и доской объявлений.

Особенность юридических форумов в том, что здесь пытаются найти помощь и сочувствие люди, которым не смогли помочь миграционные службы. Это пространство воспринимается как скрытое от постороннего [76], поэтому здесь не зазорно поделиться проблемой, которая может лежать вне правового поля. К тому же, объяснить проблему на форуме иногда бывает проще для тех, кто не владеет специфическим языком связанных с переселением нормативных актов. Здесь можно объяснить ситуацию простыми словами и получить ответ, не отягощенный чрезмерно усложненной терминологией официальных документов и обращений.

В отличие от госструктур, в социальных медиа можно получить информацию о том, как выглядит ситуация «на самом деле», глазами многочисленных переселенцев, которые уже прошли через все связанные с легализацией круги ада. Учитывая неформальный характер описываемых интернет-сообществ, спектр обсуждаемых здесь проблем существенно богаче [77], нежели тот, что можно увидеть, знакомясь с информацией на сайте посольства, включая и правовой плюрализм чиновников на местах, и огромные очереди, и необоснованные отказы. Тематика сообщений варьируется от предложений фиктивного брака и фальшивых документов до вопросов касательно дней и времени приема в московском миграционном центре Сахарово. Помимо прочего, на подобных форумах существуют разделы, связанные с семьями мигрантов – детским образованием, разделением семей из-за депортации, медициной, льготам и обременениям, которые открывает статус того или иного члена семьи.

Инструментом исследования стал метод онлайн-наблюдения [78], где исследователь находился в позиции «полного наблюдателя», не вмешиваясь [79] в жизнь интернет-сообщества и не ставя его в известность о ситуации исследования, несмотря на описанные недостатки такого подхода [80: 39-54]. Метод «триангуляции пространств» в этом случае использован не был, так как в фокусе исследования – именно образы, существующие в сети. Исходя из предпосылок социального конструкционизма [81] и положений дискурсивной теории доминирования [82], мы предполагаем, что вопрос о степени достоверности публикуемой в цифровых медиа информации вторичен, в любом случае он будет оказывать существенное влияние на жизнь сообщества (offline).

Для того, чтобы составить представление о смыслах, конструируемых вокруг темы «семейной» миграции в цифровых медиа, были проанализированы материалы, выдаваемые поисковой системой «google» по запросу «мигрант семья» «мигрант ребенок дети». Во вторую группу эмпирического материала вошли нарративы «мигрантских» социальных медиа, в частности - форумов, специализирующихся на юридических

проблемах, связанных с миграцией. Поиск проводился с помощью программы «offline explorer»: выкачивались массивы текстовых сообщений с выбранных ресурсов, затем проводился поиск по ключевым словам «ребенок сын дочь мать отец мама папа родители семья беременность». Затем рассматривалась проблематика, в контексте которой чаще всего употреблялись данные термины. При поиске материалов СМИ использовался аналогичный метод, с той лишь разницей, что поиск проводился по аналогичным ключевым словам в поисковых системах google и duckduckgo. Выделенные нарративы анализировались с помощью дискурс-анализа в интерпретации Э. Лакло и Ш. Муфф.

«Семья» в нарративах СМИ становится еще одним поводом для конструирования негативной коннотации миграции. «Мигранты перевозят в страну свои семьи» - это рассматривается как очередной повод для алармистских настроений. В дискурсе региональных и федеральных СМИ конструируется ряд проблем, связанных с миграционными потоками, которые при этом могут быть совершенно оторванными от реальности. Формируется повестка дня, в которых выделенная проблематика занимает все информационное поле, здесь не остается места для других проблем, кроме тех, что перечислены СМИ. В данном исследовании мы хотим определить круг проблем, связанных с семейной миграцией, формируемый цифровыми СМИ, а затем – сравнить эти проблемы с озвучиваемыми в «мигрантских» социальных медиа. Также нас интересует, каким образом трансформируется значение слов «семья» и «дети» в том момент, когда они приобретают в массовой коммуникации «мигрантское» маркирование.

Среди материалов, выдаваемых google [83] по запросу «мигрант», первые три позиции занимают ссылки на определения в словарях. Затем следуют ссылки на различные «мигрантские» медиа, включая форум «migrants.ru», портал «migrantmedia.ru», «migrant.info» и другие. Далее, до 20 включительно, идут ссылки на президентский проект «мой друг мигрант», адреса и время показов нового боевика с Джеки Чаном «Мигрант», сайт «фергана», а также – на сайты фирм, специализирующихся на оказании юридических услуг мигрантам. Ситуация кардинально меняется, если включить фильтр новостей. При введении фильтра из 20 первых выдаваемых поисковой системой ссылок только 2 не посвящены преступлениям, совершенным «мигрантами».

Половина текстов посвящена убийствам, совершенным «мигрантами», «мигранту»-подозреваемому. Четыре текста связывают «мигрантов» с изнасилованиями, и один – с угоном машины. В каждом из этих материалов «мигранты» - преступники, молодые и агрессивные мужчины. Новостные тексты меняют нейтральную коннотацию поисковой выдачи «без фильтра».

Поисковый запрос «мигрант семья» и «мигрант дети» показывает несколько иную картину. Первой ссылкой, выдаваемой поисковой системой по запросу «мигрант семья» становится текст, размещенный на юридическом портале [84]. Заголовок «нелегальных мигрантов могут «спасти» от выдворения их семьи» конструирует ассоциативную связь между терминами «мигрант» и «нелегал», «выдворить». В подзаголовке констатируется, что немалая часть «мигрантов» становятся «нелегалами»: «большое количество иностранных граждан въезжают на территорию нашей страны в соответствии с миграционным законодательством, но нередко по тем или иным причинам утрачивают основания для нахождения в России, в результате чего становятся нелегальными мигрантами».

До того, как человек нарушает закон, он остается «иностранным гражданином», который въезжает на территорию нашей страны. В тексте подробно описываются регламентированные нормативными актами сроки нахождения мигранта в России и основания для его выдворения. Также здесь обсуждается проблема «мигрантских» семей, которые разделяются из-за того, что один из родственников объявляется вне закона и депортируется. Автор пытается дать определение интеграции и установить, насколько она может повлиять на статус человека: нужно ли считать интегрированного в принимающее сообщество иностранца «нелегалом», и является ли наличие у него семьи признаком успешной интеграции. Автор объясняет, что ранее наличие у мигранта семьи на территории РФ считалось основанием для того, чтобы не подвергать его депортации в случае нарушения им закона. В качестве аргумента приводится несколько судебных решений по депортации в делах, в которых фигурировала просьба о смягчении приговора из-за наличия у «нелегала» родственников в России.

Проблема рассматривается на примере частного случая, когда мигрант попытался оспорить решение о депортации: «По делу гражданки Д., которая по истечении разрешенного срока временного пребывания не выехала за пределы Российской Федерации, суд первой и надзорной инстанции определили ей наказание в виде штрафа с административным выдворением, в виде самостоятельного контролируемого выезда из Российской Федерации. На доводы защитника Д. о том, что нарушитель находится в брачных отношениях с гражданином Российской Федерации и имеет несовершеннолетнего ребенка, суды посчитали, что эти обстоятельства <...> не являются основанием к невозможности применения к ней наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации». Далее автор рассказывает, что «Д» обратилась в верховный суд, который отменил решение предыдущих инстанций. Здесь

«мигрант» меняется: это женщина, мать, состоящая в браке с гражданином, «положительно охарактеризованная» судом.

«Семья» рассматривается здесь как инструментальная функция, переопределяющая «нелегала» в правовом поле, если он сможет доказать наличие у него близких родственников в стране. Так или иначе, «семья» в контексте миграции – потенциальный подозреваемый, который должен доказывать свои права в судах.

Второй материал, который выдается поисковой системой по аналогичному запросу – статья [56] «Семьи мигрантов в Российской Федерации: этническое измерение (по данным переписей населения 2002 и 2010 гг.)». Это академический текст, в котором проводится анализ социального состава «мигрантских» семей. «Мигрантский» маркер здесь также выделяет подобные семьи в отдельную группу, которая характеризуется как «отличающиеся от среднестатистического россиянина более низким уровнем образования, иными культурными традициями». Кроме того, зачастую они не имеют возможности нормального обустройства, что усугубляет их положение в принимающей стране. Поводом конфликтов коренного населения и мигрантов часто считают этноконфессиональные различия. Появляются и другие факторы (связанные с замедлением социально-экономического развития), которые могут осложнить сложившуюся ситуацию».

На третьей позиции находится текст [85] «семья мигрантов из Таджикистана четыре года пряталась на свалке от депортации». Рассказывая о побеге женщины с маленькими детьми, опасавшейся, что ее депортируют, из-под контроля миграционной службы, автор материала использует язык полицейского отчета: «найти ее по горячим следам не удалось». Что не является редкостью при конструировании образа мигранта в СМИ [63],[64]. Текст освещает аналогичную историю, что была в первом материале – разделение «мигрантских» семей из-за разницы в статусе ее членов. «Семья мигрантов», о которых шла речь, состояла из четырех человек и изначально предполагалось депортировать мать, дети «в список на выдворение» не попадали. Автор не сообщает о причинах, по которым мать и ее несовершеннолетние дети оказались в разном статусе на тот момент. «Мигрантская» семья становится неотличимой от стереотипного «мигранта» из новостной повестки дня: неприятная, совершающая действие, которые принимающее сообщество сочло бы социально неприемлемыми.

Четвертый публицистический текст [86] «дети мигрантов» создан представителем академического сообщества. Здесь автор описывает «детей мигрантов» как потенциальный вызов, как проблему. Констатируя, что «Дети — наше будущее? Да! И не

только лично наши. Дети, живущие в нашей стране, — это будущее государства», автор аккуратно разделяет «детей», и «детей мигрантов»: «А поскольку государство многонациональное, то очевидно — наше будущее очень зависит от того, как решаются национальные проблемы в самом раннем возрасте. Возьмем наиболее острый вопрос: дети мигрантов...». «Дети мигрантов» помещаются в контексте «острого вопроса» и «национальных проблем». Автор пытается конкретизировать проблему, описывая ее как трудности, с которыми сталкиваются «дети мигрантов» при получении бесплатного образования в России.

Причинами называются правовое невежество мигрантов и недобросовестные исполнители на местах, не позволяющие первым осуществить право на образование детей, а также - «недостаточная социальная активность» родителей: «Детей не отдают в соответствующие их возрасту российские учреждения, держат их в рамках своей этнической общины, общаются с ними только на родном языке. В результате эти дети не знают русский язык, для них чужд российский менталитет, они живут в нашей стране как посетители». «Дети» вслед за «мигрантами» описываются как замкнутое сообщество, но, в отличие от «мигрантов», они создают проблему не по своей воле, становясь заложниками неадекватности родителей.

Далее автор предлагает два возможных варианта дальнейшего развития событий, в одном из которых проблему будет решать возглавляемое им учреждение: «Что мы получим в долгосрочной перспективе? Изолированные субкультуры потомков мигрантов, негативно относящиеся к носителям российского менталитета? Или гармоничную систему отношений представителей разных наций на территории завтрашней России? Чтобы выйти из этого порочного круга, нужен комплекс системных мер. Прежде всего, это научные исследования. Сегодня такие работы ведутся. Только за последний год Российский государственный социальный университет по заказу государства провел более десятка масштабных исследований, в которых так или иначе изучалась тема трудовой миграции. Эту работу нужно продолжать и расширять, концентрируясь на проблемах жизненного пути подрастающего в семьях мигрантов молодого поколения. Нужна комплексная программа государственных мер, ориентированная на интеграцию детей-мигрантов — без потери их национальной идентичности — в российское общество». Автор противопоставляет «носителей российского менталитета» и «детей мигрантов», аргументируя тем самым финансирование своей организации. В этом нарративе «дети мигрантов» одновременно рассматриваются как «проблема», «чужой» и

как «ресурс». Помимо этого, отрицается возможность самостоятельной адаптации «детей мигрантов» без государственной поддержки и научных исследований.

На пятой позиции стоит статья на сайте «этноинфо»: «Семья это ощущение дома в любом уголке света, даже если ты – мигрант» [87]. Здесь проблема «семей мигрантов» артикулируется с позиции стран-доноров. «Мигрантская» семья в контексте этого материала – «разделенная семья», «катастрофа». Разделяются «нормальная» семья, о которой говорится вначале и практики, используемые мигрантами. Автор, определяя семью как самое важное и нужное из того, что есть в жизни, констатирует, что многие семьи в центральной Азии оказываются разрушены из-за массовой миграции. Под этим автор понимает, прежде всего, нарушенные экономические связи семей, когда мужья перестают отправлять деньги на родину: «Проблема брошенных семей трудовых мигрантов, пожалуй, одна из актуальных тем в Кыргызстане и Таджикистане. Число брошенных жен и детей становится все больше, и эта проблема не была столь тяжелой, если бы трудовые мигранты помогали бы своим семьям, а не бросали их на произвол судьбы. Никто не скажет точно, сколько на сегодня составляет численность брошенных жен и детей, но для аналитиков и экспертов одно очевидно - их число растет с каждым годом. Об этом можно судить, попав в регионы этих стран, где женщины и дети ведут свое хозяйство, и далеко не каждая может похвастаться тем, что ее муж или бывший муж помогает ей и детям материально». Автор сетует на то, что констатируемая им как очевидное знание массовая миграция приводит к размыванию «нормального» института семьи. Миграция становится причиной «порчи девочек», «безответственности» молодых людей.

Шестой поисковая система выдает текст «Безработная семья мигрантов отказалась от дома, так как там не было столовой». В ней рассказывается о семье беженцев в Великобритании, которые несколько раз отказывались от предложенных им муниципальными властями домов. Информационный повод, который использует автор статьи – отказ семьи от бесплатного жилья. Сам по себе такой повод никого бы не удивил, однако, если речь идет о семье «мигрантов» - все меняется, так как последние «должны» соглашаться на любой предложенный вариант и благодарить за него, поскольку они – «мигранты». На седьмой позиции новостной текст «В США бунтуют дети мигрантов, которых Трамп высылает из страны». И здесь «дети» в контексте «миграции» обретают несколько нестандартную коннотацию: «бунт, притеснение, обвинение в преступлении». На седьмой позиции текст, пожалуй, единственный, который переопределяет «мигранта» как высококвалифицированного специалиста с хорошим доходом [88].

Пожалуй, наиболее информативным и более глубоко раскрывающим механизм переопределения «семьи» и «детей» в «мигрантском» контексте становится расшифровка передачи на «Эхо Москвы» [89] «Дети мигрантов: как им адаптироваться в новых условиях?». Участники - сотрудники образовательных учреждений, предоставляющих услуги мигрантам, и ведущие - обсуждают проблему интеграции детей мигрантов в принимающее сообщество. В разговоре возникает проблема определения прав «детей мигрантов»: имеют ли последние те же права, что и «обычные» дети?: «Ведущий (отвечая на реплику о том, что любые дети в РФ имеют право на бесплатное образование): Ну, это видимо только в том случае, если родители, скажем, официально имеют здесь регистрацию, работу и т.д. Нет, Ольга? О. Каленкова: Нет, нет. Любого ребенка школа должна принять учиться, независимо от того, есть у его родителей регистрация, или нет. Но есть только один документ, который обязательно нужно предъявить, это медицинская карта». Ведущая показывает, что по ее мнению образование могут получать только дети «официальных» мигрантов.

Несмотря на то, что ведущая старается продемонстрировать свою толерантность к «детям мигрантов», эта группа все равно конструируется как стигматизированная: «М. Королева: А вот интересно, интересуется например, школьная администрация тем, кто родители этого ребенка? Ну, вот представьте себе, я себя ставлю на место директора школы, которому приводят вот этого ребенка, да, у него есть медицинская карта. Допустим, ее получили за деньги. У родителей, не знаю, спрашивают паспорт, регистрацию, род занятий, вот это все выясняется или нет?» Собеседники соглашаются, что это необходимо, что директора школ стараются проверять «детей мигрантов». Последние становятся потенциальными подозреваемыми, в отличие от других «детей», их медицинские карты могут быть «получены за деньги», а значит, их нужно «проверять» строже.

В тексте «дети мигрантов» конструируются как группа, априори непохожая на «других детей», уступающая им качественно. Это разделение лишь усиливается, когда ведущая зачитывает вопросы от слушателей, где «семьи мигрантов» определяются как «непрощенные гости, о которых заботятся, игнорируя «нищих и безработных, которых в стране полно». Воспроизводится дискурс, рамках которого «мигранты» рассматриваются как угроза ограниченным ресурсам принимающего сообщества, что распространяется и на «их» потомство. Один из спикеров косвенно признает справедливость такой аргументации, признавая «вину» «мигрантских детей», однако пытается переложить ее на родителей.

Можно предположить, что в данном тексте возникает конфликт между коннотацией слова «мигрант», которую по умолчанию признают все спикеры и словом «дети». Когда слова употребляются вместе, возникает конфликт смыслов, вокруг которого, собственно, и строится сюжет передачи: как быть, если «мигрант» -- это потенциальная угроза ограниченным ресурсам сообщества и потенциальный правонарушитель, а его ребенок при этом – это «будущее страны»? Мигранты по умолчанию не могут претендовать на равные права с представителями принимающего сообщества, а их дети должны иметь равные возможности с «московскими детьми».

Именно этот парадокс пытаются решить спикеры, разделяя «мигрантов» и «детей», которые не виноваты в том, что их родители – мигранты. Впрочем, решить его не получается, даже отстаивая право «детей мигрантов» на бесплатное государственное образование в РФ спикеры аргументируют свою позицию потенциальными угрозами, которые эти дети несут. Спикеры воспроизводят риторику, больше подходящую для описания вооруженного конфликта в тот момент, когда речь заходит о потенциальных последствиях отсутствия у «детей мигрантов» доступа к бесплатному образованию.

Семья в контексте проблематики, связанной с миграцией, упоминается почти исключительно как нечто, несущее угрозу, или, по крайней мере, нечто крайне нестабильное. Это сохраняется даже в текстах, авторы которых пытаются поменять коннотацию «семей мигрантов». Так, на таджикском портале, посвященном миграции в РФ, «миграция» описывается как угроза «традиционному» способу организации семей, и чуть ли не угрозой национальной безопасности. Разрушение «традиционных представлений» может сократить приток денег в республику, посылаемых мигрантами своим семьям, а он, по словам автора, составляет не менее трети ВВП страны. Даже на «мигрантском» ресурсе «мигрантская семья» объявляется чем-то нестабильным и неправильным.

Аналогичным образом описывается «семья мигрантов» и на других ресурсах, в частности, аккумулирующих новости о мигрантах в РФ. «Дети мигрантов» упоминаются в связи с высокой статистикой отказов матерей от своих детей. В текстах, которые создают посетители форумов, также часто фигурируют интересующие нас ключевые слова, но несколько в ином значении, нежели в материалах более традиционных электронных СМИ. Тема семьи, правового статуса ее членов и многочисленных сложностей, которые в этой связи возникают, посвящено множество сообщений на юридических форумах. Чаще всего выделенные ключевые слова появляются здесь в связи с разницей в формальном статусе ее членов и связанными с этим неудобствами.

Проблемой, артикулируемой в данных нарративах становится неопределенность, невозможность планирования коллективного будущего, вызванная тем, что члены одной семьи находятся в разном миграционном статусе. Например, если у одного из членов семьи есть гражданство, а у другого нет даже регистрации временного пребывания. Эта разница будет нервировать и приносить неудобства ровно до того момента, как все члены семьи не пройдут все необходимые процедуры, связанные с легализацией, а это может занять несколько лет.

Большие затраты, связанные с легализацией, оказываются непосильными для переселенцев, имеющих плотный график, поэтому последние часто ищут и находят пути снизить издержки легальности. Впоследствии, уже после того, как человек несколько лет проживал в стране и обзаводился семьей, предыдущее решение, которое было принято при совершенно других обстоятельствах, могло обернуться для нее катастрофой. Такое может происходить, если предоставленные экстралегальные услуги были ненадлежащего качества. Из-за малейшей ошибки в процедуре заполнения документов человек полностью лишался статуса. Это приводит к тому, что «семья» здесь парадоксально определяется и как причина легализоваться и как причина полного провала в этом. Неопределенность может быть вполне приемлемой для мигранта без семьи, однако, когда возникает необходимость проектирования коллективного будущего, возникает вопрос о легализации. Незнание сложных процедур легализации в таких случаях может приводить к катастрофам.

Семьи, находящиеся «физически» в одном помещении, юридически могут относиться к разным воображаемым сообществам, и, как следствие, быть разделены при малейшем на то основании. В случае трансграничной «семьи» не существует приватности, а родственные связи теряют свою силу, так как с точки зрения нормативной процедуры они имеют меньшую значимость, нежели миграционное законодательство. Как следствие, «пограничное» состояние одного из членов семьи становится серьезным обременением для всех остальных. Юридические форумы полны паническими обращениями от членов семей, которые стали разделены из-за формального статуса одного из супругов. Такие семьи оказываются совершенно беззащитными, подтвердить статус им нечем.

«Мигрантское» маркирование переопределяет «семью» и здесь: фактически, ее не существует до того момента, как оба супруга преодолеют пограничное состояние, утвердив свою статус. Разрешительные документы оказываются важнее родственных связей, что порождает конфликт между бытовыми представлениями о семье и нормативными документами. Незначительное нарушение может привести к тому, что

даже многодетная семья оказывается без кормильца. В то же время, даже депортация не становится препятствием для многих вернуться в страну. В случае, когда пролегающая через семью граница воображаемых сообществ, становится основанием для ее «физического» разделения, это фактически подталкивает ее членов на поиск нелегальных способов воссоединения, а значит, совершать все более серьезные с точки зрения миграционного законодательства преступления.

Отсутствие статуса, проживание в стране без должного документального сопровождения само по себе может исключить возможность для вполне успешно интегрировавшегося в новую среду обитания человеку сделать это де-юре. Человек выбрасывается из реальности нормативного поля, а вернуться туда может только в роли преступника, нарушившего миграционное законодательство. При этом помощи ему ждать практически неоткуда. Ситуация неопределенности, которую привносит «пограничный» статус одного из членов семьи, усугубляется отсутствием понятных правил игры. Об этом говорят многочисленные обращения, в которых авторы указывают либо на произвол чиновников, либо и вовсе на выдворение или запрет на въезд без объяснения причин. Таким образом, «семья мигрантов» становится не только дополнительным риском, но и «контролируемым сверху» институтом, где у самого «мигранта» никаких прав нет, ведь даже функция, которую он может выполнять в семейной экономике, во многом зависит от его статуса.

Сам же статус может зависеть от чего угодно. «Семьи» упоминаются в контексте регистрации статуса одного из членов в условиях широчайшего правового плюрализма на местах. Жалобы могут быть вызваны и непониманием мотивации действий сотрудников миграционных служб, сложностью и запутанностью законодательства: «Проверяли на сайте фмс рнр аннулировано хотя срок действия до января 2015. аннулировали в середине ноября 2014 года, срок миграционки тоже до 2015 января почему так что делать грозит ли депортация слышала что таких случаев в последнее время много ответьте пожалуйста». Сложность законодательства и существующее убеждение в том, что легализоваться без помощи неформальных сетей практически невозможно, приводит к увеличению рисков для «мигрантских» семей.

Соглашаясь на экстралегальные или криминальные способы получения гражданства на начальном этапе переселения, люди сталкиваются с последствиями через много лет, причем они могут быть фатальными для семей. «Семья» перестает существовать в поле зрения регулятора в тот момент, когда выясняется, что один из ее членов нарушил миграционное законодательство. Он выпадает в иную нормативную

реальность, в которой не имеет практически никаких прав до того, как избавится от своего «пограничного» статуса. И при этом любая «пограничная» семья находится в положении подозреваемого, следовательно, априори отчасти выпадает из правового поля.

Если у переселенца нет возможности занять эти деньги и положить на счет, он оказывается в довольно трудной ситуации. Необходимость подтвердить доход становится препятствием на пути легализации семьи. Судя по подобным нарративам, обязательство предоставлять сведения о доходах становится инструментом дискриминации бедных, а также тех, кто работает неофициально. Можно предположить, что эта мера создавалась для контроля над «фиктивными» браками, однако на деле это приводит к большим проблемам у реальных семей. Соответственно, «мигрантская семья» -- это вечный конфликт между определениями и смыслом, который вкладывают в это словосочетание сами мигранты, и тем, что подразумевает под этим государство.

Все это еще больше усложняет положение «мигрантской семьи», что может подталкивать ее членов на нарушение миграционного законодательства и, следовательно, на еще больший риск и увеличение неопределенности. Как серьезное затруднение описывается требование подтверждать источники дохода при предоставлении отчета, из-за чего проблему становится невозможно решить, заняв денег или устроившись на нелегальную подработку. С одной стороны, человек не может легализоваться по причине того, что у него недостаточный, или отсутствует официальный доход. И на другую работу он тоже рассчитывать не может, оставаясь «мигрантом». Получается замкнутый круг, преодолеть который довольно непросто.

«Семья» одновременно становится поводом для легализации и фактором, который серьезно затрудняет существование на нелегальном положении. Как ни парадоксально, но наличие у переселенца семьи становится едва ли не единственным условием того, чтобы депортация и запрет на въезд оказывал хоть какое-то устрашающее воздействие. Для сезонного мигранта депортация не является столь страшной мерой, как для переселенца, который собирается всерьез и надолго обосноваться в новой стране. Именно после того, как автор сообщения обрел семью, он становился еще более уязвим для притеснений со стороны контролирующих органов.

Среди «мигрантских семей» можно выделить иерархию по уровню непредсказуемости. В особо тяжелом положении оказываются молодые бедные семьи, которые не зарегистрировали свой брак. Бедность и беременность меняет положение дел, заставляя задуматься о легализации своего пребывания в стране, хотя бы для того, чтобы получить бесплатную медицинскую помощь. Беременные женщины оказываются без

источника дохода, когда их «гражданских мужей» депортируют. Возникает парадокс права на семью, когда люди, находящиеся в пограничном состоянии, формально этого права лишены, считая, что оно у них есть. Этот разрыв приводит к появлению мифов, в которых, например, супругов могут легализовать без многочисленных бюрократических процедур только из-за того, что у них родился ребенок – гражданин РФ. Эти бытовые представления могут оказать серьезное негативное влияние на перспективу интеграции: если, например, человек жил и работал в стране нелегально, считая, что у него есть все основания легализоваться через родственников, может быть депортирован на несколько лет.

Маркированная как «мигрантская» семья в правовом поле не существует, а присутствующие в дискурсе СМИ значения слов «ребенок», «многодетная семья», «родители», меняется. Причем большую вероятность «исчезнуть» из правового поля имеют самые социально незащищенные. Возникает конфликт между бытовыми представлениями о человеческих правах и нормативными определениями. Как и в предыдущих примерах, большое влияние на статус может повлиять позиция конкретного территориального учреждения, определяющего статус «мигранта».

Из присутствующего в нормативном поле определения «семьи» выпадают также, например, близкие родственники тех, кто уже получил российское гражданство и хочет переехать к ним. Нормативными актами определены несколько категорий, которые могут считаться основанием для того, чтобы разрешить человеку остаться в стране, однако это конфликтует с бытовыми представлениями. Нормативные процедуры легализации «не видят» в некоторых случаях и детей «мигрантов». Ветки, посвященные вопросам, связанным с получением гражданства ребенку, о правах беременных женщин с разным миграционным статусом, находящихся в РФ, являются одними из самых посещаемых. Раз за разом пользователи отмечают, что совершенно не понимают процедуры оформления, не понимают, имеют ли они право на бесплатную медицинскую помощь в стране. Даже если родители уже получили гражданство, а сам ребенок прожил в стране годы, его заставляют проходить всю процедуру легализации с нуля, как иностранному гражданину.

Иммиграционное законодательство превращает «семью» в дополнительный инструмент шантажа, прежде всего малоимущих, вне зависимости от того, насколько они интегрированы в принимающее сообщество. Стигму разделяют и те, кто был воспитан в СССР, в одной из союзных республик, а также – их дети, вне зависимости от образованности, знания русского языка, и так далее. Сложности с переносом РВП из одного региона в другой только усугубляют это. Процедура выделяет «семьи мигрантов»

из числа акторов, члены таких семей, находящиеся в «пограничном» состоянии, лишаются права на собственное тело: их могут перемещать на тысячи километров, невзирая на любые личные обстоятельства. «Семьей» такая группа признается только в том случае, если нормативная процедура выполнена, пусть даже это и невозможно. До этого она неспособна, действуя в правовом поле, создавать свое будущее.

Депортации может подвергнуться любой, вне зависимости от того, есть ли у него родственники – граждане. Личные обстоятельства, которые с точки зрения бытовых представлений о справедливости являются весьма существенными, также совершенно не учитываются.

Граница между воображаемыми сообществами сохраняется и в том случае, если они вступают в брак и десятилетиями живут в одной стране. Она может поддерживаться только нормативными актами, даже если никто и ничто больше не указывает на ее существование, и уж тем более на уместность. Большая часть нарративов концентрируется на проблемах, которые возникают из-за необходимости преодоления этой границы, из-за возможности вполне «физического» отчуждения от «реальной» группы, к которой принадлежат авторы. «Мигрантское» маркирование определяет семью как потенциального подозреваемого, деклассированный элемент, лишенный каких бы то ни было прав: «Я гражданка Кыргызской Республики вышла замуж за гражданина РФ уже больше года была беременна но родить здесь мне с Кыргызским гражданством не разрешили. Я родила в Киргизии, и снова вернулась но уже с ребенком. Вопрос: получем ли мы с ребенком Российское гражданство? Если да, будет ли ребенок получать пособие?» Представления о степени близости, которые имеются у самих переселенцев совершенно не сопоставимы с теми, что имеются у миграционных чиновников. «мигрантское» маркирование отчасти лишает родителей прав на собственных детей, многократно усложняя процесс интеграции для последних.

«Семья», получающая «мигрантское» маркирование, становится вечным подозреваемым, опять же, до момента утверждения статуса всех ее членов. Формально, официально заключенный брак будет «проверяться» три года, за это время его могут признать «фиктивным». И хотя формально это преступление не карается, наказание может последовать очень тяжелое, в виде депортации одного из супругов, или их детей. И в первую очередь «мигрантская» семья подозревается государством в бедности. Для получения ВНЖ по браку человек должен предоставлять справку о наличии у него дохода в размере не менее двенадцатикратного прожиточного минимума на себя и на всех иждивенцев.

Это требование может стать серьезным препятствием для тех, кто работает неофициально, а таких, судя по частоте обращений на юридических форумах, много. Статус «мигранта» практически во всех рассмотренных нарративах оказывается более значим, нежели все остальные, которые в других ситуациях могли бы рассматриваться в качестве послабления. Так, административные границы «воображаемых сообществ» могут не позволять трехмесячному ребенку получить медицинскую страховку без РВП.

Правила бывают совершенно недоступны для понимания, это превращает «мигрантскую» семью в крайне нестабильное, лишенное возможностей для адаптации образование, к тому же полностью зависимое от причудливых поворотов нормативных актов. Административные меры контроля «пограничных» семей, которые выглядят как дискриминация бедных, иногда оказываются единственным фактором, препятствующих включению этих семей в принимающее сообщество.

Стереотипы и образы, связанные с миграцией, конструируемые в средствах массовой коммуникации, стали своего рода мейнстримом, в том числе и в российской социологии и антропологии. Масштабы миграционных потоков, роль, которую мигранты играют в жизни принимающего сообщества, ставят последнее перед необходимостью объяснить происходящее, и, найдя это объяснение, интегрировать новации в повседневность. Результатом становится комплекс принимаемых по умолчанию представлений о том, что такое «мигрант», как он выглядит, чем занимается и как к нему относиться. Человек или группа могут воспринимать эти представления как руководство к действию, и в ситуации реального контакта с сконструированной в мифе ситуации повести себя именно так, как он предписывает.

Страхи и ожидания принимающего сообщества, воплощающиеся в образах миграции и «мигрантов», описаны в десятках российских исследований, [59], [90], [91] а также – множестве иностранных кейсах [92], [93], [94], [95]. О мигрантах говорят на разных языках, но часто приписывая им одни и те же качества, используя один и тот же язык военного конфликта [63] или полицейских отчетов. Помимо конструирования образа самого «мигранта» и процесса перемещения через границы воображаемых сообществ, миф задает смысловую рамку для обозначения множества процессов, которые с «мигрантом» связаны – легализации, интеграции в принимающее сообщество, брака, получения социальных гарантий. Описываемые в контексте миграции эти социальные практики приобретают иное, отличное от «нормального» значение, иную коннотацию: «мигрантские» дети могут быть представлены как угроза, семья – как подозреваемый,

лишенный права на самостоятельное действие, получение социальных гарантий – как паразитизм [96].

Смыслы, которыми принимающее сообщество наделяет, например, слова «семья», «брак», после того, как они попадают контекст «мигрантской» тематики, часто остаются за рамками академических исследований. Эти слова становятся важной частью связанных с переселенцами мифов, дополняют их, добавляя новые характеристики описываемой группы, становятся, как и сами мигранты, предметом довольно оживленной публичной дискуссии. «Мигрантские» семьи и браки с «мигрантами» обсуждаются журналистами и блоггерами стран-доноров и принимающих стран, им приписываются порой совершенно разные смыслы, в зависимости от позиции говорящего. «мигрантское» маркирование выделяет описываемую группу из общего контекста как нечто, не вписывающееся в представление о «нормальных» семьях, детях и так далее. Так, промаркированные социальные практики превращаются то в страшную угрозу, то в важную социальную проблему, то в субъект управления.

В данном исследовании рассматриваются не, собственно, «мигрантские» семьи, а те, в которых представитель принимающего сообщества заключает брак с человеком, маркированным как «мигрант». Необходимо подчеркнуть, что речь идет именно о маркировании, так как человек, о котором идет речь в конкретном нарративе, мог никогда не выезжать, например, за пределы Москвы. Интерес к этому кейсу обусловлен довольно специфическим положением, в котором они могут оказаться. С формальной точки зрения, люди, находящиеся в таком браке, все еще находятся по разные стороны символической границы воображаемых сообществ ровно до тех пор, пока их статус не изменится. Состояние таких семей можно охарактеризовать как пограничное не только в символическом пространстве, но и в «физическом»: разница в статусе предполагает, что одного из членов семей могут насильственно переместить и запретить возвращаться, лишит его возможности работать.

Эта воображаемая граница, по одну сторону которой находится «мигрант», со всем комплексом приписываемых этой группе негативных смыслов, а по другую – представитель принимающего сообщества, становится предметом оживленных обсуждений. Возникает конфликт смыслов, где негативные стереотипы о «мигрантах» сталкиваются с воображаемым и характеризуемым положительно «мы». Две наделяемые противоположными качествами группы становятся частью одного целого, сталкиваются два взаимоисключающих значения, и участники дискуссий вынуждены искать способ разрешить это противоречие.

Браки, в которых один из партнеров является «мигрантом», одним своим существованием ставят массу вопросов о смысле, сути и последствиях границ между воображаемыми сообществами: меняется ли статус представителя принимающего сообщества после вступления в брак с тем, кто формально находится по ту сторону символической границы? Начинают ли люди по-другому относиться к самому «мигранту», вступившему в подобный союз? Меняется ли значение самого слова «брак», «муж», «жена», «дети» в тот момент, когда они становятся «мигрантскими»? Все эти вопросы задают друг другу пользователи российских социальных медиа, пытаясь интегрировать в повседневность новые практики.

Мы анализируем возникающие в социальных медиа мифы, связанные с «трансграничными» браками. Под «трансграничными» браками подразумевается несколько иное значение, нежели вкладываемое в это словосочетание юристами [97] - союзы, в которых один из супругов (потенциальных супругов) маркируется как «мигрант». Задачи статьи – показать, как разворачиваются подобные обсуждения в российских социальных медиа, какие смыслы вкладываются в понятие «брака с мигрантом», возникают ли при этом конфликты значений и как они разрешаются.

Исследовались нарративы цифровых медиа – электронные версии газет и журналов, сайты информационных агентств, а также – социальные медиа. Традиционные медиа в течение многих лет определяют круг тем, составляющих повестку дня, связанную с «миграционной» проблематикой. В настоящем исследовании им уделено лишь поверхностное внимание, поскольку тема конструирования образа «мигранта» в СМИ изучена достаточно широко. Было рассмотрено буквально несколько материалов, выдаваемых поисковой системой «google» по запросу «мигрант брак» для того, чтобы составить самое общее представление о ретранслируемых ими образах «Трансграничных» браков.

Социальные медиа интересны потому, что, будучи продолжением коммуникации лицом к лицу [72], они рождают, подхватывают, расширяют и повторяют ключевые темы «повестки дня», активно участвуя в процессе мифотворчества. Социальные медиа становятся инструментом преодоления ситуации неопределенности: именно здесь ищут информацию о том, как решать ту или иную проблему, с которой сами не могут справиться. Помимо этого, иллюзия приватности социальных медиа позволяет пользователям более открыто обсуждать табуированные темы. Исследование проводилось методом онлайн наблюдения [78]: по ключевым словам «замуж» «жениться» «мигрант» «дети» «родить» «узбек» «узбечка» «киргиз» «киргизка» «русская» «таджик» «таджичка»

проводился поиск в поисковых системах «google» и «duckduckgo». Анализировались нарративы социальных медиа, содержащих различные сочетания выбранных ключевых слов.

В материалах СМИ, которые можно найти по запросу «Брак мигрант» практически полностью отсутствуют примеры союзов, в которых мужчина-представитель принимающего сообщества женился бы на «мигрантке». Чаще всего речь идет именно о «мигранте» - мужчине, вступающем в брак с местной женщиной. Способы описания таких союзов очень схожи: СМИ представляют их либо как преступление, либо подозревают супругов в скрытых корыстных мотивах. Так, например, по запросу «родила от мигранта» поисковая система выдает криминальную хронику об изнасилованиях и подростковых беременностях. Язык описания и набор ключевых определений почти везде одинаков, как и реакция пользователей вне зависимости от того, о какой стране идет речь.

В одном из текстов рассказывается о матери, которая пытается добиться возвращения из тюрьмы мужа-«мигранта» ее беременной несовершеннолетней дочери, которого посадили за соращение малолетних. Все происходило по обоюдному согласию, разница между партнерами составляла несколько лет и мать недоумевает, зачем нужно было сажать отца ее внука в тюрьму. В комментариях поступок матери осуждается, как извращение, пользователи обвиняют ее в сговоре с «мигрантом», в извращенных мотивах. Часть пользователей тут же делает вывод о неполноценности самой матери и ее дочери, которые допустили подобный союз, ведь ни одна «нормальная русская женщина не пойдет на такое». Причем больше всего комментаторов раздражает не то, что девушке не исполнилось 18 лет, но то, что она решилась завести отношения с «мигрантом». За редкими исключениями, эту позицию разделяет большинство пользователей, участвующих в обсуждении.

Аналогичную реакцию вызывает новость, опубликованная на консервативном ресурсе «русский афон» [98]. Под заголовком статьи размещена иллюстрация, на которой мужчина тащит женщину за волосы по полу. Заголовок вкуче с иллюстрацией создает определенный эмоциональный контекст, создается впечатление, что «европейки беременеют от мигрантов» не по своей воле. В то же время, в тексте речь идет совершенно о другом: «По данным государственной статистической службы Германии, рекордно высокие показатели выдают именно иностранки. Они в 2015 году родили каждого пятого ребёнка в стране. Если на одну немку приходится в среднем 1,4 новорождённого, то на приехавших из-за рубежа - 1,9. А иностранцев-беженцев в Германии много». К цифрам, которые никак не связаны с заголовком статьи, автор

добавляет не менее эмоциональное описание «нашествия мигрантов» на Европу. Аргументация, которую он при этом использует, в дальнейшем будет повторяться пользователями социальных медиа в нарративах, стигматизирующих «трансграничные» браки. Конструируется ассоциативная связка между «мигрантом» и «мусульманином», «другим менталитетом», «изнасилованиями» и «террористическими актами»: «За прошлый год немцы приняли у себя около миллиона беженцев-мусульман, менталитет, религиозные и культурные воззрения которых, к сожалению, зачастую отличаются не только стремлением к многодетности. Вслед за волной беженцев последовали сексуальные приставания к женщинам в Кельне, теракты в торговом центре «Олимпия», атака с ножом в поезде, ежедневно случаются изнасилования и просто нападения на людей со стороны мигрантов». В обсуждении статьи используются те же негативные определения «мигрантов», те же образы и та же аргументация, что и в обсуждениях «трансграничных» браков на форумах. Пользователи признают, что ни одна «нормальная европейка» не выйдет замуж за «мигранта», признают, что подобные браки – вынужденные, или же один из партнеров умственно неполноценен.

Тексты, касающиеся происходящих в России событий, описывают «трансграничные» браки в стилистике полицейского рапорта. Такой брак, вслед за самими «мигрантами» становится вечным подозреваемым. На сайте muslim-info.com под заголовком «замуж за мигранта» приведена статья об усилении контроля за «фиктивными» браками между россиянами и иностранцами: «В Татарстане начнут проверять на фиктивность брачные союзы, заключенные между россиянами и иностранцами. Не секрет, что мигранты женятся на наших согражданах не только по любви, но и для того, чтобы получить российское гражданство в короткий срок <...> В УФМС по РТ согласились, что «брачная» лазейка в российском законодательстве – это самый быстрый законный способ получить гражданство. Отчасти это подтверждает статистика: в 2013 году гражданство Российской Федерации получили 283 иностранца, состоящие в браке с россиянами не менее трех лет и постоянно проживающие в России» [99].

«Трансграничные» браки выводятся автором из числа нормальных повседневных практик, при этом констатируется необходимость более подозрительного к ним отношения. Люди, заключающие такой брак, лишаются права на «нормальную» мотивацию, их постоянно уличают в скрытой корысти, стремлении воспользоваться «брачной лазейкой в законодательстве». Автор пытается легитимировать подобное отношение к трансграничным бракам ссылкой на статистику, которая, впрочем,

показывает, что в 2012 году число людей, получивших гражданство по браку не составляет и одного процента от общего числа получивших гражданство. В подобном ключе обсуждаются «трансграничные» браки и в статье «российской газеты», где также на первое место выносятся проблема их «фиктивности» [100].

Брак с «мигрантом» присутствует в повестке дня российских СМИ чуть ли не как преступление: «россиянки стали массово продаваться мигрантам»; «фиктивные браки», и так далее [101]. Используя обороты, достойные лучших романов Д. Донцовой, авторы статей в СМИ ретранслируют один и тот же образ – «фиктивный» брак с социально неполноценным представителем «чужого» воображаемого сообщества. Журналистские тексты представляют собой буквально энциклопедии стереотипов о «мигрантах», где в одном тексте упоминаются десятки клише.

Так, в статье «все ушли в загс» в газете «Московский комсомолец» автор конструирует проблему фиктивных браков с «мигрантами» в Москве. Автор статьи, не скрывая этого, воспроизводит самые примитивные «этнические» стереотипы, проблематизируя «трансграничные» браки. История, которую он озвучивает, повторяется практически в каждом нарративе социальных медиа, где обсуждается целесообразность брака с «мигрантом»: из раза в раз в качестве аргумента против такого союза пользователи утверждают, что у «мигранта» непременно есть «жена и дети на родине», которым он будет отправлять деньги. Пользователи социальных медиа за редким исключением не признают за мигрантами права (или возможности) переезда с целью остаться в РФ навсегда, для них «мигрант» всегда будет находиться в пограничном состоянии между предполагаемой «настоящей» родиной, семьей и детьми, и Россией. Какие бы мотивы не имел «мигрант», вступая в брак, или приезжая в страну, его подозревают в сокрытии «настоящих» причин.

Каким бы ни был контекст очередной преподносимой СМИ истории о браках с «мигрантами», сама она проблематизируется и подается в алармистском ключе. Предполагаемое авторами «шокирующее» количество браков с «мигрантами» объясняется утратой обществом некой важной составляющей, например, «самости российских мужчин», или «приличий у женщин». В любом случае, такой брак рассматривается как априори заключенный с существом «второго сорта», следовательно, невозможный без каких-то скрытых корыстных или извращенных мотивов. Повторяя описанные еще Э. Саидом [102] представления о «человеке востока», комментаторы в числе таких причин называют феноменальную «чувственность» и сексуальную активность.

Так, авторы текстов в СМИ к таким мотивам относят желание члена принимающего сообщества заработать, продавая свой статус, большую разницу в возрасте. Брак с «мигрантом» - априори «неравный» [103], а создаваемая семья – не соответствует представлениям о том, какой она должна быть.

Аргументы озвучиваются одни и те же, это «культурные особенности», или «обычай», якобы повсеместно принятым у «мигрантов», например – содержать одновременно две семьи, на родине и в принимающей стране. Когда представитель принимающего сообщества вступает в брак с «мигрантом», «пограничный» статус последнего переносится на партнера. Социально неодобряемый поступок ведет к остракизму, и, отчасти, к тому, что за таким актором собеседники в повседневной коммуникации или журналисты не признают возможности рассуждать здраво.

К примеру, в статье «собеседника» приводится пример удачного «трансграничного» брака между представителем принимающего сообщества с «таксистом-азербайджанцем». Приводится мнение эксперта, который как будто подтверждает сомнения журналиста: «Это на первый взгляд жизнь с иностранцем – семейный рай, но у него есть и обратная сторона, – предостерегает психолог Ольга Маховская. – В традиционных браках россиянки выживают за счет поддержки родителей и подруг. Но выходя замуж за мусульманина, женщина должна понимать, что ей придется во всем подчиняться супругу. По натуре россиянки своевольны и горделивы, и для них это требование является тяжелым испытанием, поэтому в межнациональных семьях часто вспыхивают жестокие бои за свободу. Вступая в брак с иностранцем, женщина должна принять веру мужа, обычаи и законы его народа – ее избранник непременно будет на этом настаивать. Многие русские девушки еще на этапе свиданий с мужчинами-мусульманами увлекаются исламом и впоследствии охотно принимают чужую веру. Но некоторые не готовы отречься от своей религии, и тогда семьи не получается» [104].

«Мнение эксперта» основано на нескольких принимаемых как данность утверждениях и противопоставлениях, с которыми по умолчанию соглашается и автор текста. Прежде всего, эксперт противопоставляет «традиционный» брак и брак с «иностранцем», основываясь на «типичных» качествах воображаемых групп – «горделивых россиянок» и «иностранцев», которые «обязательно» будут подчинять их себе. Эксперт ставит знак равенства между словами «иностранец» и «мусульманин», основывая на этом еще одно противопоставление воображаемых групп: «россиянки» и «иностранцы» априори религиозны и религии у них разные. В результате «трансграничный» брак становится в экспертном комментарии полем боя двух групп, в

которой компромисс невозможен без отказа «россиянки» от части своей идентичности и принятия «чужой веры».

В этом нарративе также слово в слово воспроизводятся смыслы «трансграничного» брака социальных медиа. «Гастарбайтер» в таком браке – это мужчина, мусульманин, «с другими обычаями», которые он непременно будет навязывать супруге. И здесь автор, конструируя образ «мигранта», с которыми вступают в брак представители принимающего сообщества, отсылается к образам массовой культуры. Как будет показано ниже, аналогичные страхи испытывают и посетители форумов, обсуждая «трансграничные» браки. Отвечая на вопрос о целесообразности и приемлемости такого союза, они предостерегают: «мигранты» заставят вас принять их «веру», «обычаи», «менталитет».

При этом страх превратиться в «другого» весьма избирателен, и зависит во многом от социального статуса конкретного «другого». «Мигрант» ассоциируется именно с низким уровнем дохода и низким статусом. Как только речь заходит о «другом», например, из Западной Европы или США, это называется брак с «иностранцем». Он оценивается уже совершенно иначе. Из осуждаемой практики брак с «мигрантом» за редкими исключениями превращается в мечту, как только последний превращается в «иностранца». Об этом говорит, в частности, то, как об этих браках спрашивают: О браке с «мигрантом» - «стоит ли?», о браке с «иностранцем» - «как это сделать?» [105].

Разница между «иностранцем» и «мигрантом» оказывается скорее социальной, нежели географической. Когда определенные группы пользователей пытаются оспорить аргументы противников таких браков, они ссылаются на то, что и в принимающем сообществе хватает людей, обладающих теми же негативными характеристиками, что приписываются «мигрантам». Выходит, что в контексте «трансграничных» браков граница проходит не столько между разными воображаемыми сообществами, языками и культурами, сколько по разнице в социальном статусе и материальной обеспеченности. Брак с «мигрантом» стигматизирован потому, что он беден, трудится физически, груб и многоженец. Брак с «иностранцем» предпочтителен, потому что «иностранец» - богат и образован, несмотря на то, что за ним признаются, в общем-то, те же самые «культурные различия» и «другой менталитет».

Когда представитель другого воображаемого сообщества упоминается вне связки конструктом «мигранта», полностью меняется и отношение к перспективе брака. Сама практика переопределяется в повестке дня, превращаясь из удела отчаявшихся и неполноценных в голубую мечту. Остается предполагаемая разница в «менталитете»,

«культуре» и «крови», однако страх «чужого» и превращения в «чужого» исчезает. Авторы публикаций СМИ ретранслируют древний миф о противостоянии между «человеком востока» и «человеком запада», нашествия на цивилизованную Европу (к которой, кстати, авторы относят и Россию) варварских орд с востока. Последним приписываются все тот же описанный Э. Саидом набор стереотипов о нечистоплотности, необразованности, экзотичности «человека востока», на основании которого делаются выводы о том, как нужно к нему относиться.

Большая часть материала в ходе исследования была набрана в ветках российских веб-форумов, где обсуждались перспективы «трансграничного» брака. Структура этих веток довольно шаблонна: пользователь, как правило – женщина, задает аудитории вопрос, стоит ли ей вступать в брак с представителем одной из этих групп. Аудитория дает ей советы, ссылаясь на собственный опыт, или опираясь исключительно на неэмпирические представления.

Здесь разворачивается процесс производства смыслов едва ли менее интенсивный, нежели в «традиционных» СМИ. Сам факт обращения автора с такой проблемой говорит о том, что даже у него самого существует ряд предубеждений относительно «мигранта» человека, с которым в перспективе возможны брачные отношения. Обращение к аудитории с подобным вопросом может быть вызвано несколькими причинами. Например, автор хочет получить иллюзию коллективного одобрения поступка, который сам считает ненормальным, у анонимной аудитории, узнать, какой может быть реакция на этот поступок людей более близких, нежели посетители форумов. Автор может проверять, насколько верны существующие у него предубеждения относительно представителя группы, с которым он хочет вступить в брак.

Слова «мигрант», «гастарбайтер», «узбек», «киргиз» в данных ветках становятся триггерами, после которых пользователи начинали воспроизводить довольно шаблонные, характерные для мигрантофобского дискурса нарративы. Их можно разделить на три группы: в первой, несколько большей, говорится о неприемлемости таких браков, из-за «разницы в менталитете», «коварства мигрантов», иногда – и вовсе без попыток найти аргументацию в пользу такой точки зрения. Во второй группе находятся нарративы, авторы которых пытаются смягчить резко негативную коннотацию «трансграничного» брака, при этом подтверждают частичную правоту аргументов первой группы. Третья группа, самая незначительная – категорическая поддержка «трансграничных» браков.

Социальные медиа практически дословно ретранслируют связанные с «трансграничными» браками образы, присутствующие в СМИ. Основные нарративы

характеризуются попыткой переопределить коннотацию «человека востока», его высокий социальный статус преподносится в качестве эксклюзива, отклонения от нормы и вообще большой редкости. Часть аудитории дает автору санкцию на совершение табуированного поступка, учитывая отличие конкретного «узбека» от существующего коллективного представления. Часть пользователей пытается переопределить коннотацию «человека востока», при этом подтверждая некоторые фрагменты предыдущих негативных его определений. Один из комментаторов, предлагая автору не торопиться с выводами, параллельно, ссылаясь на собственный опыт, воспроизводит конструкт «человека Востока», существование которого по умолчанию предполагали предшественники.

Даже за предположение вероятности «трансграничного» брака авторы нередко подвергаются остракизму [106]. Появление дискурса «человека востока» может изменить уже сложившиеся отношения. Используются одни и те же ксенофобские клише, но разные механизмы легитимации артикулируемой позиции. Помимо отсылок на собственный опыт и опыт «родственников и знакомых», могут приводиться ссылки на «Науку». Неважно, о какой именно национальности идет речь, «человек востока» тут же вызывает у части пользователей ассоциацию со всеми негативными стереотипами о «мигрантах» вообще. И дальнейшие рекомендации строятся уже не на авторском нарративе, а на основании ассоциированных с «мигрантами» или «гастарбайтерами» смыслов.

Иногда, напротив, исключение конструкта «человека востока» переопределяет коммуникационную ситуацию. На форуме «www.woman.ru» обеспокоенная мать рассказывает, что ее дочь влюбилась в «парня другой национальности, который никогда на ней не женится» [107]. Несмотря на то, что автор не выдала никаких сведений о партнере дочери, пользователи тут же относят его к предполагаемым по умолчанию конструктам «человека востока».

Даже если комментаторы пытаются переопределить негативную коннотацию «трансграничного брака», так или иначе находят причины объявить их ненормальными. Одни, указывая на неважность национальной составляющей, аргументируют неприемлемость таких браков разницей в религиях, другие – в особенностях страны исхода партнера – мигранта. У потенциального партнера все равно находится масса изъянов, даже если комментатор утверждает, что национальность не при чем. В любом случае подчеркивается необычность, отличие партнера – иностранца от представителей принимающего сообщества, и эта разница подается как очевидное знание. Универсальным ответом становится и фраза «вам что, русских мужиков мало?», которой опять-таки

подчеркивают экстраординарность ситуации: наличие у одного из партнеров «ненормальных» вкусов или appetитов.

«Мигрант», вне зависимости от страны исхода, становится исключительно социальной категорией, определяющейся даже не цветом кожи или «азиатской кровью», но социальным статусом актора, его материальным положением. Более того, социально успешный «узбек» не воспринимается как таковой, даже если практикует нечто, прямо порицаемое принимающим сообществом, например – полигамию.

Разумеется, не обходится и без откровенно ксенофобских высказываний, в которых трансграничные браки называют предательством рода или откровенной глупостью [108]. Но даже в таких случаях превалирующим становится именно фактор трансграничности. Все это может обозначаться как «межрасовые» браки, «смешение крови», и так далее. Браки «русских» с «бурятами» оцениваются положительно, но как только возникает граница между воображаемыми сообществами, отношение меняется до противоположного. Если автор разделяет межэтнический и трансграничный брак, то в первом случае такой брак будет определяться как вполне приемлемый и перспективный, а второй – как совершенно недопустимый. Если из конструкта «азиатскости» удаляется «трансграничность», то меняется и коннотация самого конструкта. Сторонники же «трансграничных» браков, оставаясь в меньшинстве, ссылаются на собственный положительный опыт, или же пытаются разместить «человечность» выше «национальности» или «трансграничности» в иерархии социально допустимых практик.

Комментаторы, старающиеся описать «людей востока» как положительных героев, чаще всего говорят об их образованности, как будто отвечая на основной упрек со стороны их противников по дискуссии. Попытки же охарактеризовать не национальность, но факт перемещения через границу воображаемого сообщества практически не встречаются, равно как и согласие с низким социальным статусом «приезжего»: «И даже если он и рабочий, что в этом такого? Человек готов бросить всё и поехать работать в другую страну, жить в лишениях, лишь бы заработать своей семье на жизнь. В любом случае лучше офисного планктона, который в экстренной ситуации запьёт и убежит от реальности».

Любопытно, что даже у представителей страны-донора, участвующих в подобных дискуссиях, существует убежденность в ущербности своих соотечественников, которые пересекают границы воображаемых сообществ. Обсуждение «трансграничного брака» показывает, насколько неопределенными в массовой коммуникации остаются понятия, на основе которых люди выстраивают свое отношение и рекомендации относительно того,

как поступать в этой ситуации. Ключевыми при обсуждении «трансграничных» браков (даже если формально они таковыми не являются) становятся слова «нация», «раса», «цвет кожи», «менталитет», «религия», «низкий социальный статус», «бедность», «угроза», «обман»: «Женщины! неужели нет белых мужчин? неужели надо тащить к себе человека другого менталитета? Автор идите за узбека, конечно, у них бабы работают как кони, и на работе и дома, это вам не изнеженные саудийки, да еще и кланяться всей родне придется».

При этом и раса, и менталитет, и нация, да и религия тоже, остаются по существу пустыми знаками, так как они могут совершенно спокойно заменять друг друга и означать то самое не всегда осознаваемое и артикулируемое важное, причину стигматизации «трансграничных» браков. Единственное, что утверждается и за редкими исключениями практически не оспаривается ни той, ни другой стороной конфликта – это разница во всем вышеперечисленном у людей, принадлежащих к разным воображаемым сообществам.

Зачастую эта граница проводится совершенно искусственно, так как речь, судя по контексту, идет о людях, которые сами себя к другому воображаемому сообществу не относят. Как, например, в одном из описанных выше нарративов, в котором речь идет о потенциальном партнере – «узбеке» даже тот факт, что он «лишь наполовину узбек», что учился в России и даже что он принял христианство не является достаточным аргументом для части пользователей для признания этого человека частью своего воображаемого сообщества. Самое удивительное, что эту разницу признают в первую очередь топикстартеры, лица, казалось бы, наиболее заинтересованные в этом человеке. В ходе дискуссии они вынуждены оправдывать свое решение, описывать, как замечателен человек, с которым они хотят вступить в отношения, в то время как значительная часть комментаторов убеждают их не принимать такое решение.

И в отдельных случаях комментаторам, использующим слова «нация», «менталитет» и «раса» в одном и том же значении, удается их убедить. Можно предположить, что даже сам факт размещения подобного вопроса на публичной дискуссионной площадке в интернете говорит о многом. Например, о том, что лучше всего ситуация «трансграничного» брака и все негативные стереотипы, связанные с ней известна тем, кто хочет в такой брак вступить.

Часть пользователей, выражая лояльность предполагаемому коллективному негативному отношению к трансграничным бракам, все же пытаются указать на то, что «узбеки» бывают разные. И с некоторыми «типами» союз все же может быть успешен. Поскольку частью коллективного оспариваемого негативного образа «мигранта»

становятся различия, в том числе, и в религиозных предпочтениях, этот предполагаемый фактор становится одним из важнейших при определении перспектив «трансграничного» брака. При этом религиозный фактор может рассматриваться и как препятствие, и как подспорье в таких браках. Например, «единственной возможностью» заключить с «человеком востока» удачный брак, становится то, что оба партнера являются мусульманами.

Разделяя «людей востока» на несколько категорий пользователи связывают вероятность удачного исхода события, о котором пишет автор, в зависимости от того, к какому принадлежит конкретный человек. Границы между «типажами» могут проводиться и по их культурному уровню, и по финансовому благополучию, и социальному статусу. Один из типов объявляется совершенно неподходящим для «трансграничных» союзов, другие же – наоборот, при этом часто критерии, как можно отделить один тип от другого, остаются за скобками. Предположительно, авторы таких сообщений убеждены в том, что они остаются в рамках принятого по умолчанию коллективного значения слов, которыми они эти типы обозначают.

Социальные медиа в точности воспроизводят конструкт «человека востока», присутствующий в «традиционных СМИ». «Мигрант» переопределяется в массовой коммуникации и становится «типичным» представителем «чужого» из темного, опасного, грязного и экзотичного мира. Отсылки к «белому солнцу пустыни» позволяют предположить, что мы имеем дело с специфическим пережитком колониального сознания, риторике борьбы «белого» носителя цивилизации и порядка и «хаотического», опасного, но и притягательного в своей экзотичности «человека востока».

О том же говорят и многочисленные противопоставления «русской/европейской женщины» и «мигранта», как абсолютно несовместимых противоположностей. Ситуация брака между представителями этих воображаемых групп воспринимается как «капитуляция» перед «востоком», «измена». При этом, большинство нарративов ориентируются на «некое предшествующее знание» о «человеке востока», которое практически не подвергается критике, вне зависимости от качественной оценки, утверждающее фундаментальные и непреодолимые различия «религии», «менталитета», «культуры».

И в социальных медиа, и в СМИ создаются довольно жесткие рамки, определяющие «трансграничные» браки или браки с «мигрантом». Во-первых, это союз, в котором мужчина, пересекающий границу воображаемого сообщества, женится на представительнице принимающего сообщества. В журналистских текстах именно такое

представление присутствует как фоновое знание даже когда автор описывает явление в целом. «мигранты» не выходят замуж, они только женятся. Во-вторых, это союз, в котором граница между двумя воображаемыми сообществами является определяющей и непреодолимой. Неважно, почему именно – будь то «менталитет», «культура» или «религия», у такого брака нет перспектив. В-третьих, «трансграничный» брак порочен, связан с нарушением табу (которые, впрочем, не артикулируются и довольно трудно понять, почему табу было принято, есть ли из него исключения и каково наказание). В-четвертых, члены такого союза не могут быть актерами в Гоффмановском понимании, они становятся субъектами законодательства, вечными подозреваемыми в фиктивности.

Фактически, «пограничное» состояние, которым наделяется представитель «другого» воображаемого сообщества, распространяется и на всех членов его семьи, которые вытесняются на периферию представлений о социально допустимом поведении. Впрочем, такое отношение сохраняется лишь в том случае, если в нарративе так или иначе воспроизводится один дискурс или все вместе: «человека востока» и «мигранта». Как правило, один конструкт неразрывно связан в сознании с другим. Когда исчезает один из его фрагментов, возникает ситуация конфликта смыслов. Он может разрешиться несколькими путями: либо конкретный кейс объявляется действительно существующим, но исключением из правил, либо отрицается напрочь, либо «человек востока» или «мигрант» превращается в «иностранца».

Создается впечатление, что общая смысловая рамка таких дискуссий задается (или ретранслируется) «мигрантским» ксенофобским дискурсом в СМИ. Национальная принадлежность здесь не имеет значения, особенно если автор включает в свой нарратив конструкт «человека востока», или «мигранта». В этот момент теряет значение место действия и контекст, остается лишь модель абстрактного «мигранта». Ситуация «трансграничного» брака вызывает конфликт между негативным стереотипом «мигранта» и воображаемой солидарностью между представителями одного воображаемого сообщества. Чтобы разрешить этот конфликт, члены принимающего сообщества, входящие в такой брак, объявляются «дефективными» или «предателями», и конструкт «мигранта» в дискуссии сохраняется. Даже когда обсуждаются события с аналогичной повесткой, не имеющие отношения к сообществу, к которому относят себя пользователи, история обыгрывается в тех же красках.

Из раза в раз на форумах повторяется одна и та же история: автор утверждает, что нашел «необычного» мигранта, хочет заключить с ним брак и спрашивает совета. Аудитория воспроизводит весь набор клише: «брак ради прописки», «жена на родине»,

«автор – неполноценная женщина» [109]. Неважно, что человек мог пересечь границу уже давно и получить гражданство, общественное мнение по-прежнему будет считать его «мигрантом» и навешивать все те же ярлыки.

Авторы постов-вопросов относительно уместности и перспектив союза с «человеком востока» будто бы испрашивают разрешения аудитории на такой постыдный шаг. Априори соглашаясь с принятой по умолчанию стигматизацией подобных союзов, они приводят аргументы-оправдания, легитимирующие такие шаги. И аудитория либо в гневе отталкивает их, либо, напротив, милостиво дает согласие. Ситуация, в которой становится возможен союз с «мигрантом», который часто читается как «человек востока», провоцирует внутренний конфликт между непосредственным эмпирическим опытом и принятыми социальными стандартами. Возможно, именно поэтому подобные вопросы появляются на форуме: конфликт пытаются разрешить за счет того, чтобы добиться согласия анонимного «нормального большинства», к которому принадлежат и сами авторы, установившего табу на такие союзы. Интересен результат таких переговоров, они заканчиваются, как правило, не компромиссом, но поражением одной из сторон: либо социального табу, либо эмпирического опыта.

Собственно, на по проанализированному материалу можно заключить, что в принципе здесь не существует четкого представления о том, что вообще такое межнациональный брак, какой союз можно таковым считать, а какой – нет. Не существует явных границ между трактовками воображаемых сообществ, культур. Определение, качество каждого конкретного обсуждаемого на форумах кейса так или иначе упирается в социальный статус представителя «другой» воображаемой группы, о которой заходит речь. Когда «узбек» или «гастарбайтер» превращается в обеспеченного иностранца, уже неважно, из какой страны он приехал.

В случае со конструктами «Трансграничных» браков видно, как негативные стереотипы о той или иной воображаемой группе могут сказать на судьбе конкретного человека. Цензура большинства, устанавливающая границы социально-приемлемых смыслов «трансграничных» браков с представителями той или иной группы, может привести к тому, что индивид готов отказаться от перспективы брака или заставить это сделать своего близкого. При этом достаточно часто «рекомендации», выдаваемые людьми, уверенными в том, что они действуют исходя из принятых «большинством» представлений о норме, не основаны на непосредственном эмпирическом опыте. Сказывается неопределенность значений большинства ключевых слов, вокруг которых разворачиваются подобные дискуссии.

Менталитет, национальность, раса, религия, культура, все это смешивается в одну кучу, значения этих слов дрейфуют от одной противоположности к другой. Возможно, это происходит в тот момент, когда автор очередного алармистского высказывания, пытается легитимировать собственную позицию, не имея эмпирического опыта, но ссылаясь на «всем известные истины». Как только кто-то из участников дискуссии произносит слово-триггер, например, ассоциированный с «миграцией» в массовом сознании этноним, человеку тут же приписывается весь комплекс негативных стереотипов, связанных с миграцией. Все вышеперечисленные термины становятся пустыми знаками, за которыми скрывается отсутствие конкретных примеров различий между принадлежащими к разным воображаемым сообществам групп. Люди, имеющие конкретный эмпирический опыт, в равной степени подтверждают и опровергают эти негативные высказывания относительно трансграничных браков.

В социальных медиа, как и в дискурсе СМИ, «мигрант» становится социальным маркером, отмечающим маргинала, или даже просто человека с низким уровнем дохода. Все описанные выше сложности и проблемы практически не касаются людей обеспеченных, которые могут себе позволить, переехав через границу, не работать несколько месяцев или даже лет до полного подтверждения своего права на пребывание в стране и права на труд. Высокая степень неопределенности, связанная с «мигрантской» семьей, описывается даже в тех нарративах, авторы которых открыто стремятся переопределить негативную коннотацию слова «мигрант» или, по крайней мере, держать нейтралитет «Пограничные» семьи выглядят крайне нестабильными. Вероятно, причина помещения их в негативный контекст заключается в том, что подобные трансграничные социальные практики становятся белым пятном как для общества страны – донора, так и для принимающего сообщества. Отсутствие определенного значения приводит к тому, что и на «детей», и на «семьи», маркированные как мигрантские, начинают распространяться те же стереотипы, что и в отношении «миграции» как таковой.

В рассмотренных нарративах речь идет о конфликте двух реальностей, двух типов определения «семьи» и «интеграции». Первая – реальность миграционного законодательства, для которого родственные связи могут не иметь никакого значения, которое может быть единственным фактором, закрепляющим «пограничное» состояние переселенца спустя десятилетия после того, как он пересек границу. В двух группах эмпирического материала граница между воображаемыми сообществами разделяет и членов одной семьи, помещая в крайне уязвимое положение того, кто так и не смог окончательно ее пересечь. Собственно, пересечение «физической» границы между

государствами, преодоление языкового барьера при этом не означают пересечения границы, которая намертво закреплена в нормативных актах. Эта символическая граница становится причиной для конфликта определений «семьи» на уровне бытового права, в самих законах, и в позиции миграционных чиновников.

Вторая реальность – бытовые представления о важности родственных связей и о правах, которые имеют, например, близкие родственники перед лицом миграционного законодательства РФ. На уровне бытовых представлений семья ставится выше закона, и столкновение с реальностью, в которой она может быть разделена любым способом и на любой срок, может отбить всякое желание жить в правовом поле. И форумы, и СМИ помещают «мигрантскую семью» в зависимость от множества практически не прогнозируемых случайностей, от которых, тем не менее, сильно зависит, например, распределение ролей в семье. При этом наличие постоянной работы, детей, нетрудоспособного супруга, отличное владение русским языком по понятным причинам на уровне бытовом рассматриваются как достаточные основания для легализации. Однако, в правовом поле это совершенно не так.

«Миграция» меняет смысл слов «семья», «дети», «ребенок» в СМИ. «Мигрантская» - это скорее социальная, нежели географическая категория. Слова «семья» и «ребенок» в этом контексте становятся «бедными», «необразованными», «чужими». Их положение крайне нестабильно, и прежде всего потому, что «семьи» и «дети», маркированные как «мигрантские», не являются акторами в пространстве цифровых медиа. Авторы текстов отводят им место полностью зависимых от среды, их будущее зависит от чужих проектов, которые они не могут контролировать. Акторами они становятся только в тот момент, когда рассматриваются как «опасный другой», как «нарушитель» и эти попытки пресекаются. Авторы нарративов, размещенных на форумах, дополняют этот образ представлениями, основанными на собственном опыте конфликтных ситуаций с государством, от которых зависело их будущее.

Собственно, неопределенность как отличительная черта «мигрантских» семей была уже отмечена исследователями на примере городов Дальнего Востока [57]. Однако, эта нестабильность конструируется за счет именно физических перемещений, организации быта. Нарративы социальных медиа показывают, что неопределенность выражается не только в материальном окружении этих семей, но и в их состоянии, характеризуемое как «пограничное». В этом смысле они схожи с жителями пригородов [110], с тем лишь отличием, что мобильность «мигрантских» семей часто бывает абсолютно вынужденной. Негативное маркирование «мигрантских» семей в СМИ как бы служит оправданием для

запутанного и жесткого миграционного законодательства, конструируя мигрантов как подозреваемых, которым еще нужно доказать свою полноценность, пройдя через ритуал легализации. Семьи мигрантов можно отнести к городскому фронтиру [111], так как их будущее многовариантно, равно как и их прошлое.

Их прошлое, их коннотацию, определяют СМИ, конструируя алармистские образы, их будущее – многочисленные бюрократические машины, чье поведение также непредсказуемо. Соответственно, «мигрантское» может означать еще и «партизанский» (По Де Серто) [112] тип социального поведения, как реакцию на чрезмерное давление чужих стратегий. В этом нарративы СМИ и форумов схожи: и в тех, и других описывается «партизанщина» как механизм освоения городской среды, только в СМИ она обретает форму откровенно маргинальных проявлений, в то время как в социальных медиа вся «партизанщина» заключается в игнорировании миграционного законодательства. Которое, если верить социальным медиа, порой действует так, что выбора у «мигранта» просто не остается.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные аспекты интеграции семей мигрантов связаны с реализацией вхождения мигрантов в социальную, экономическую, правовую и культурную сферы стран приема. Возможность вхождения в эти сферы обуславливается их доступностью для мигрантов и обустроенностью каналов вхождения. Возможность легально трудоустроиться, реализовать трудовой и профессиональный потенциал, переквалифицироваться в соответствии с потребностями рынка труда – все это является важной частью интеграционного процесса. В связи с этим, большой интерес вызывает анализ положения первого и второго поколения мигрантов на рынках труда развитых стран.

Наше исследование проводилось в зависимости от миграционного статуса по четырём критериям: экономической активности, уровню образования и квалификации, уровню занятости и уровню безработицы. Анализ данных, предоставленных статистическим агентством Евростат, говорит о том, что иммигранты второго поколения имеют лучшие показатели по всем критериям по сравнению с иммигрантами первого поколения. Также следует отметить, что наблюдается сокращение разрыва (а по некоторым показателям, таким как уровень занятости у женщин и уровень безработицы, даже некоторое превосходство) между иммигрантами второго поколения, родившимися в стране ЕС, у которых один родитель – иностранец, а другой – гражданин ЕС, и коренным населением.

Другой не менее важный аспект интеграции семей мигрантов – гендерный, а именно положение женщин-мигранток в системе институтов принимающих стран. Женщины-мигрантки играют важную роль на рынках труда и вносят существенный вклад как в экономику, так и в общество принимающих стран. Однако они также сталкиваются с определенными проблемами в плане интеграции в рынок труда. Интересно, что в системе гендерных категорий некоторые виды работ ассоциируются с женским трудом, а другие – с мужским. Гендерное неравенство присутствует и при оплате труда мигрантов.

Почему этот барьер существует? Считается, что способность женщин принимать решения (например, о миграции) оценивается только с экономической точки зрения, а не в связи с их социальным статусом в домохозяйстве, на рынке труда или в других сферах. Более того, женщин-мигранток часто представляют только жертвами (например, жертвами торговли людьми), у которых отсутствует способность к самостоятельному выбору. Иногда их осуждают как плохих матерей, бросивших своих детей в странах происхождения.

Несомненно, миграция позволяет женщинам стать самостоятельными экономическими акторами, обеспечивающими себя и/или свои семьи, и это повышает их самооценку и степень независимости. Благодаря миграции некоторые женщины способны приобрести собственность или начать бизнес. Но тем не менее на пути социально-экономической интеграции женщин-мигранток в большинстве индустриально развитых стран существуют институциональные препятствия. К последним относятся ограничение правовых каналов для миграции, отсутствие признания навыков квалификации, гендерная дискриминация на рынке труда, недостаток социальной защиты, низкие условия работы и отсутствие институциональной поддержки инициатив женщин-мигранток по отстаиванию своих прав.

Европейскими странами были предприняты усилия по улучшению интеграции рынка труда, но политика интеграции по-прежнему в значительной степени игнорирует гендерный аспект. Проблемы неспособности признать потребности женщин-мигранток, отсутствие признания квалификаций женщин из-за пределов ЕС, направление их на рабочие места, не отражающие уровень образования – все это должно занимать куда большее внимание структур, ответственных за политику интеграции, по мнению ведущих европейских экспертов в этой области. Таким образом, в разработке и применении указанных мер необходимо задействовать широкий спектр организаций, включая государство, профсоюзы, НПО и мигрантские организации.

Третьим аспектом рассматриваемой проблемы являются особенности образовательной политики в отношении детей мигрантов в развитых странах. По итогам исследования можно сделать вывод о том, что к основным барьерам на пути адаптации детей мигрантов к образовательной среде относятся языковой и коммуникативный – в том случае, если в школах не проводятся специальные мероприятия по адаптации учителей и персонала к работе с детьми из мигрантских семей. Решение этой проблемы может быть найдено в том случае, если государство активно финансирует имплементацию программ, предоставляющих детям-иммигрантам адекватный доступ к услугам дошкольных учреждений. Учебные программы, направленные на изменение стереотипного отношения учителей к иммигрантам, также могут быть полезны для повышения эффективности обучения детей из мигрантской среды. Наконец, привлечение учителей мигрантского происхождения может помочь детям-мигрантам благодаря созданию положительных образцов для подражания.

Учитывая недостатки нынешних подходов, призыв большинства экспертов в области интеграции мигрантов заключается в поиске новых направлений,

ориентированных на трансформацию того, как школы рассматривают барьеры на пути к обучению. Конечным продуктом должны быть школы, где все – сотрудники, студенты, семьи и участники сообщества – чувствуют взаимную поддержку.

Опыт индустриально развитых стран убедительно показывает, что с административной точки зрения, задачи интеграции успешно решаются прежде всего на региональном и местном уровнях. Делегирование ответственности за имплементацию основных мер политики социального инкорпорирования на этот уровень позволяет действовать наиболее гибким и рефлексивным образом. Так, в ФРГ существуют Министерства по социальным вопросам и вопросам интеграции отдельных земель – Баден-Вюртемберг, Гессен⁴, а также отдельных городов (Франкфурт-на-Майне, Визбаден), но при этом нет аналогичного органа федерального уровня⁵. Такая система распределения административной ответственности вполне резонна, поскольку излишняя бюрократическая вертикализация управления приводит к появлению стандартов и норм, оторванных от локальных практик.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что к мероприятиям, доказавшим свою наибольшую, хотя и относительную, эффективность в рамках «интеграционной политики» можно отнести мониторинг интеграции на региональном и локальном уровне, выполненный по критериям (а) занятости выходцев из мигрантской среды в той или иной профессии; (б) уровня дохода (с выявлением его источников); (в) уровня образования; (г) чувство принадлежности (посредством качественных социологических методик).

Важным инструментом пацификации общественных настроения среди подростков с мигрантским бэкграундом является популяризация успешных биографий – историй успеха молодых людей из среды приезжих. Один из наиболее характерных примеров успеха подобной стратегии – популярность в немецкой мигрантской среде юноши турецкого происхождения, родившегося и выросшего в Берлине, по имени Билал Бей.

Залогом успеха реализации стратегий вертикальной мобильности подростков из мигрантской среды выступают мотивации, исходящие от старших в семье – символические инвестиции родителей в образование детей; дополнительные возможности, предоставляемые школой, будь то спортивный клуб⁶ или танцевально-музыкальная секция, отвечающая пристрастиям современных подростков; а также наличие менторов,

⁴ Hessische Ministerium für Soziales und Integration

⁵ На федеральном уровне действует BAMF и Ministerium für Arbeit und Soziales

⁶ Активное членство в спортивном клубе можно рассматривать как автономное условие успешной интеграции.

которые выступают посредниками между молодым человеком и институциональной средой – показывают ему возможности будущего развития. В случае упомянутого нами Билал Бея такой возможностью стала стипендиальная программа ‘Geh Dein Weg’ (Иди своим путем).

Отдельного внимания заслуживает и ревизия административно-политических усилий, предпринимаемых в связи с проблемой радикализации в среде мигрантской молодежи. Деятельность, именуемая борьбой с терроризмом, зачастую имеет одно скандальное последствие, а именно: она его порождает. Там, где кончаются права человека, начинается озлобленность, а это – питательная почва для развития радикальных настроений. Люди, систематически подвергающиеся репрессивному обращению – потенциальные рекруты деструктивных, террористических организаций. Как показывают данные большинства проведенных в развитых странах исследований, весьма распространенный тезис о «нежелании интегрироваться», якобы характерном для мигрантов, не выдерживает эмпирической проверки⁷. Он вызывает сомнения и по теоретическим основаниям. Поскольку первоочередная мотивация индивида, переезжающего на постоянное жительство в другую страну – материальный успех, а последний без той или иной степени социального включения недостижим, трудно представить себе, чтобы такой индивид сознательно противился интеграции. Иными словами: люди мигрируют не для того, чтобы на новом месте пестовать свою «идентичность», а для того, чтобы обеспечить своим детям благополучное будущее.

Такое допущение неверно как по отношению к собственно мигрантам (людям, родившимся в другой стране), так и к их детям и внукам. Опыт стран с многолетней историей иммиграции свидетельствует, что лица с миграционным прошлым демонстрируют в целом достаточно высокие показатели включенности в социальные институты принимающего сообщества. К числу таких показателей относятся: (а) знание языка принимающей страны; (б) процент экзогенных браков; (в) уровень дохода; (г) доля самозанятых, доля стартапов⁸.

Что касается явлений, описываемых в терминах «неудавшейся интеграции» мигрантов и детей из мигрантских семей⁹, то эти явления следует изучать в широком контексте общественных отношений. *Фокус внимания – как экспертов, так и лиц, принимающих решения, – должен быть направлен не на «проблему миграции» или на*

⁷ См.: [113], [114], [115]

⁸ См. статистику стартапов в США, ФРГ, Швеции и т.д. (в ФРГ мигранты и их потомки в несколько раз чаще открывают новый бизнес, чем местные жители).

⁹ Худшая успеваемость в школе, высокие показатели отчислений из школ, вовлеченность в мелкую преступность, участие в уличных бандах и т.д.

«проблему мигрантов», а на весь комплекс социальных проблем, переживаемых обществом (и порождаемых обществом, а не «мигрантами» – мигранты лишь вносят сюда свой вклад).

Это в первую очередь *проблема социального исключения* – объективный процесс маргинализации части населения, вытекающий из логики функционирования современных рынков – труда, жилья и культурного потребления. Проблема *структурной дискриминации* проявляется, среди прочего, в наличии так называемых «депрессивных пригородов», низкой эффективности образовательных институтов и географической стигматизации – наличия в современных мегаполисах индустриально развитых стран районов, сам факт проживания в которых снижает шанс найти работу. В этом смысле преимуществом российских городов является то, что в них в силу особенностей застройки отсутствуют «этнические» кварталы, а также предпосылки для их возникновения [116]. Тем не менее, несмотря на наличие благоприятных предпосылок для интеграции – фактора общего прошлого и общих институтов социализации, необходимо указать на ряд фундаментальных препятствий, существующих на пути инкорпорирования мигрантов и их потомков в российское общество. К ним относятся прежде всего дефицит специализированных программ, ориентированных на адаптацию не только детей мигрантов к образовательной системе, но и самих работников образования к взаимодействию с выходцами из мигрантской среды. Весьма тревожной остается ситуация, возникшая в связи с Приказом Минобрнауки №32 от 22 января 2014 года, в соответствии с которым достигшие школьного возраста мигранты и дети из других регионов должны иметь регистрацию по месту жительства для приема в школу. В условиях отсутствия специализированных государственных программ по интеграции иммигрантов¹⁰ часть мероприятий по адаптации иностранных граждан к социокультурной среде принимающего сообщества осуществляется в рамках федеральной и региональной программ по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Так, в 2014 и 2015 году некоммерческая организация «Фонд поддержки добровольного переселения соотечественников «Ориентир»» осуществляла проект «Адаптация мигрантов, проживающих на территории Ленинградской области, интегрирование их в единое правовое и культурное поле России, развитие традиционных духовных ценностей». Инициаторы проекта справедливо

¹⁰ Часть мер по интеграции иммигрантов предусмотрена в государственных программах «Содействие занятости населения», «Жилище» и «Русский язык». Однако обозначенные в них цели и задачи сформулированы слишком абстрактно, в результате чего конкретные алгоритмы социально-экономической интеграции новоприбывшего населения остаются неясными.

указывают на необходимость адекватного освещения миграционной тематики в СМИ и декриминализации образа трудового мигранта. В то же время остается неясным, о каких именно духовных ценностях идет речь, и почему, если в качестве таковых упоминаются (семья, друзья, религия и т.п.), то заведомо предполагается, что мигранты их не усвоили. Кроме того, в подобных проектах требование адаптации к новой среде предъявляется лишь иностранным гражданам, в то время как о «встречном движении» со стороны местного населения ничего не говорится.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Alba, R., Duyvendak, J.W. (2017) What about the mainstream? Assimilation in super-diverse times, *Ethnic and Racial Studies*, DOI: 10.1080/01419870.2017.1406127
2. Elspeth Guild, Sergio Carrera and Ngo Chun Luk, The integration of immigrants and legal paths to mobility to the EU: Some surprising (and encouraging) facts. CEPS. 25.01.2017. URL: <https://www.ceps.eu/system/files/LegalMobilityPaths.pdf>
3. Georgiana Ivan, Mihaela Agafiței, First and second-generation immigrants - statistics on labour market indicators. Eurostat. September 2016. URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/First_and_second-generation_immigrants_-_statistics_on_labour_market_indicators
4. Edouard Henderyckx and Bruno Scuvée, Migrant integration statistic. Eurostat. 2017. URL: <http://www.sipotra.it/wp-content/uploads/2017/07/Migrant-integration-2017-edition.pdf>
5. Eurostat Press Office, Migrant population characteristics Second generation immigrants in the EU generally well integrated into the labor market...and have high educational attainment, 28.10.2016, URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/7724025/3-28102016-BP-EN.pdf/6e144b14-d5e1-499e-a271-2d70a10ed6fe>.
6. International Labour Office, Geneva, Switzerland, International Standard. Classification of Occupations, ISCO-08? 2012, p.65. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_172572.pdf.
7. OECD (2015) Helping immigrant students to succeed at school-and beyond. <https://www.oecd.org/education/Helping-immigrant-students-to-succeed-at-school-and-beyond.pdf>.
8. Pew Hispanic Center. A Nation of Immigrants; Pew Research Center: Washington, DC, USA, 2013.
9. Fortuny, K.; Hernandez, D.J.; Chaudry, A. Young Children of Immigrants: The Leading Edge of America's Future. Brief 3; The Urban Institute: Washington, DC, USA, 2010.
10. Nwosu, C.; Batalova, J.; Auclair, G. Frequently Requested Statistics on Immigrants and Immigration in the United States; Migration Policy Institute: Washington, DC, USA, 2014.
11. Александров Д. А., Баранова В. В., Иванюшина В. А. Дети из семей мигрантов в школах Санкт-Петербурга. Предварительные данные. СПб: Издательство Политехнического университета, 2011
12. Фрумин И. Д., Пинская М. А., Косарецкий С. Г. Социально-экономическое и территориальное неравенство учеников и школ // Народное образование. 2012. № 1. С. 17-24.
13. Деминцева Е.Б., Зеленова Д.А., Опарин Д.А., Космидис Е.А. Возможности адаптации детей мигрантов в школах Москвы и Подмосковья // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4. С. 80-109.
14. Eleonore Kofman and Neil Kaye (2012) Equal rights. Equal voices. Migrant women's integration in the labour market in the labour market in six European cities: a comparative approach. Social Policy Research Centre, Middlesex University Selmin Çalışkan. <http://www.epim.info/wp-content/uploads/2011/02/ENoMW-and-EWL-Research-Study-Migrant-Womens-Access-to-Labour-Market-March-2012.pdf>
15. Ferrer A. "Are married immigrant women secondary workers?" IZA World of Labor, University of Waterloo, Canada, January 2015. <https://wol.iza.org/uploads/articles/119/pdfs/are-married-immigrant-women-secondary-workers.pdf>
16. European Commission. (2010). Ethnic Minority and Roma Women in Europe: A Case for Gender Equality? Study conducted by EGGSI — Expert Group on Gender Equality,

Social Inclusion, Health and Long-Term Care, The National Experts and prepared by Corsi, M., Crepaldi, C., Samek Lodovici, M., Boccagni, P. and Vasilescu, C., pp. 160. <http://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=738&langId=en&pubId=492&type=2&furtherPubs=yes>

17. OECD. (2005). Jobs for Immigrants (Vol. 1): Labour Market Integration in Australia, Denmark, Germany and Sweden. http://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/jobs-for-immigrants-vol-1_9789264033603-en
18. Rubin, J., Rendall, M.S., Rabinovich, L., Tsang, F., Janta, B. and van Oranje-Nassau, C. (2008). Migrant women in the EU labour force. RAND Technical Report. https://www.rand.org/pubs/technical_reports/TR591z3.html
19. Council of Europe Parliamentary Assembly. (2011). Protecting migrant women in the labour market. CoE Resolution 1811, 15 April 2011. <http://www.refworld.org/docid/4e6097c22.html>
20. Kofman, E. and Raghuram, P. (2010). ‘Skilled female migrants in the discourse of labour migration in Europe’, Dossier Mobility and Inclusion – Managing Labour Migration in Europe, Heinrich Boll Foundation. <https://eprints.mdx.ac.uk/4450/>
21. Ministry of the Interior, Finland. (2011b). Kotoutumislaki (1386/2010) uudistuu 1.9.2011 alkaen. [http://www.alipi.fi/tiedostot/Paula%20Kuusipalo%20-%20kotoutumislaki\(1\).pdf](http://www.alipi.fi/tiedostot/Paula%20Kuusipalo%20-%20kotoutumislaki(1).pdf)
22. Ministry of Interior, Finland. (2011c). <http://tem.fi/perustietoa-suomest>
23. Ministerio de Trabajo y Asuntos Sociales. 2007. Plan Estratégico Ciudadanía e Integración 2007-2010. Madrid pp 366. http://extranjeros.empleo.gob.es/es/Programas_Integracion/Plan_estrategico2011/pdf/PECI-2011-2014.pdf
24. Lyberaki, A. (2008), “Deae ex Machina”: migrant women, care work and women’s employment in Greece, GreeSE Paper 20, Hellenic Observatory Papers on Greece and Southeast Europe. <http://www.lse.ac.uk/europeanInstitute/research/hellenicObservatory/pdf/GreeSE/GreeSE20.pdf>
25. Pillinger, J. (2007) The Feminisation of Migration: experiences and opportunities in Ireland, ICI: Dublin http://emn.ie/files/p_201211231144452007_Feminisation_of_Migration_ICI.pdf
26. Internationaal Organizaon for Migraon (IOM) 2012 “Crushed hopes: underemployment and deskilling among skilled migrant women” http://publications.iom.int/system/files/pdf/crushed_hopes_3jan2013.pdf
27. Lutz, H. (2008). Migration and domestic work: a European perspective on a global theme. Ashgate: Aldershot <https://link.springer.com/article/10.1007/s12134-010-0146-4>
28. Helbling, Marc. 2014. “Opposing Muslims and the Muslim Headscarf in Western Europe.” *European Sociological Review* 30(2): 242–57. <https://academic.oup.com/esr/article/30/2/242/501096>
29. Shadid, Wasif, and Pieter Sjoerd van Koningsveld. 2005. “Muslim Dress in Europe: Debates on the Headscarf.” *Journal of Islamic Studies* 16(1): 35–61.
30. Byng, Michelle D. 2010. “Symbolically Muslim: Media, Hijab, and the West.” *Critical Sociology* 36(1): 109–29. <https://ru.scribd.com/document/88029184/Sage-Symbolically-Muslim>
31. Doris Weichselbaumer, Johannes Kepler University Linz and IZA “Discrimination against Female Migrants Wearing Headscarves”, September 2016, <http://ftp.iza.org/dp10217.pdf>
32. Charsley, K., Bolognani, M., Spencer, S., Ersanilli, E., Jayaweera, H. (2016) Marriage Migration and Integration Report, Bristol, UK: University of Bristol, https://www.compas.ox.ac.uk/media/PR-2016-MMI_final-report.pdf

33. Baker M and Benjamin D (1997) The Role of the Family in Immigrants' Labor-Market Activity: An Evaluation of Alternative Explanations. *American Economic Review* 87(4): 705-727.
34. Francine D. Blau "Immigrants and Gender Roles: Assimilation vs. Culture", November 2015 <http://ftp.iza.org/dp9534.pdf>
35. Rupaleem Bhuyan, Bethany Osborne, Sajedeh Zahraei, Sarah Tarshis, University of Toronto, "Unprotected, Unrecognized Canadian Immigration Policy and Violence Against Women, 2008-2013" <http://www.migrantmothersproject.com/wp-content/uploads/2012/10/MMP-Policy-Report-Final-Nov-14-2014.pdf>
36. Fudge, J., & Owens, R. J. (2006). Precarious work, women and the new economy: Challenge to legal norms: Hart Publishing. <https://www.bloomsburyprofessional.com/uk/precarious-work-women-and-the-new-economy-9781841136165/>
37. Cynthia J. Cranford, Leah F. Vosko et Nancy Zukewich (2003) "The Gender of Precarious Employment in Canada" https://www.riir.ulaval.ca/sites/riir.ulaval.ca/files/2003_58-3_4.pdf
38. Galabuzi, G.-E., Casipullai, A., & Go, A. (2012, March 20, 2012). The persistence of racial inequality in Canada, *The Toronto Star*. https://www.thestar.com/opinion/editorialopinion/2012/03/20/the_persistence_of_racial_inequality_in_canada.html
39. Tamara Hudon "Immigrant Women. Women in Canada: A Gender-based Statistical Report", October 21, 2015 <http://www.statcan.gc.ca/pub/89-503-x/2015001/article/14217-eng.pdf>
40. Zeis, T. and Liapi, M. (2006). Mapping of policies affecting female migrants and policy analysis: the Greek case. Center for Research in Women's Issues, Working Paper 10 - WP 1
41. Liapi, M. and Vouyioukas, A. (2006). Policy formation and policy implementation affecting the integration of new female immigrants in Greece, National Report on key informants' interviews, Working Paper 10 – WP2, December. http://diotima.wizcom.com.gr/ig_common/upload/Policy_formation.pdf
42. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения. Три стадии миграционного процесса (Очерки теории и методов исследования). М.: Наука, 2001.
43. Luhmann, N. *Die Realität der Massenmedien* Opladen: Westdt. Verl., 1996
44. Грановеттер М. Сила слабых связей // *Экономическая социология*. Т. 10. № 4. Сентябрь 2009, сс.31-50.
45. Барсукова С.Ю. Неформальная экономика: причины развития в зеркале мирового опыта // *Экономическая социология*. 2000. Т. 1. № 1. С. 13-24
46. Бруклин — Русские в Нью-Йорке // VK URL: <https://vk.com/russiannyc> (дата обращения: 08.10.2018).
47. Иващенко Е. Спотыкаясь на пороге. Почему соотечественникам нельзя нормально переселиться в Россию. Фергана.ру, 30.03.2018. <http://www.fergananews.com/articles/9877>.
48. Нелегал в Испании. История русского эмигранта // Youtube <https://www.youtube.com/watch?v=5OS731M0d08>
49. Политическое убежище США. Как подать на политубежище в США, если нет истории. // Youtube URL: <https://www.youtube.com/watch?v=uiTrYpRFp9U>
50. Фиктивные браки в США (Легализация) // Youtube URL: <https://www.youtube.com/watch?v=lGyk4Jteeg4>.
51. Фиктивный брак для получения гражданства РФ // Центр миграционных услуг URL: <https://propiska-ms.com/information/124-fiktivnyj-brak-v-moskve-dlya-polucheniya%20grazhdanstva-rf.html> (дата обращения: 08.10.2018).

52. Фиктивный брак для получения гражданства основные особенности // Youtube URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=11&v=o9QsFwk2evk
53. Фиктивный брак и гражданство // URL: <http://grajdanstvo-ru.ru/fiktivnyj-brak.html> (дата обращения: 08.10.2018).
54. Предлагаю работу // Бирге URL: https://moscow.birge.ru/catalog/rabota_predlagayu/ (дата обращения: 08.10.2018).
55. Флоринская Ю.Ф. Дети мигрантов в России: доступ к образованию и медицине // Демоскоп URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0515/analit02.php> (дата обращения: 08.10.2018).
56. Донец Е.В. Семьи мигрантов в РФ: этническое измерение (по данным переписей населения 2002 и 2010 гг); Современные исследования миграции населения: Сборник статей. / Под ред. Е.В. Донец, О.С. Чудиновских. -М.: Экономический ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 2015. С. 50-60 ("Демографические исследования", Вып. 25
57. А. Винокурова Повседневность семей трудовых мигрантов: региональное измерение; 2018
58. Титов В.Н. О формировании образа этнического иммигранта (анализ публикаций прессы); Социологические исследования №11 2003.
59. Нам И.В., Карагеоргий Е.М., Ермолова А.И., Никитина Е.В. КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТРУДОВОГО МИГРАНТА В РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ (НА ПРИМЕРЕ ТОМСКА) Сибирские исторические исследования №1; 2017
60. N. Khvorostianov, N. Elias Leave us alone!': Representation of social work in the Russian immigrant media in Israel. 2015
61. Y.-G. Chae Immigrant Media and Communication Processes for Social Change in Korea: A Case Study of Migrant Workers Television, 2008
62. Eberl, Heidenreich, Melzer, Theorin The European media discourse on immigration and its effects: a literature review; Annals of the International Communication Association Vo 42, 2018 - Issue 3
63. Веснина Л.Е Милитарная мтафора, представляющая образ мигранта в отечественных СМИ // Лингвокультурология. 2009..
64. Калыгина М.Ю. Метафорическая репрезентация миграции в дискурсе России, Великобритании и США // Политическая лингвистика. 2009..
65. R. King, N. Wood Media and Migration: Constructions of Mobility and Difference. Routledge, 2013. 208 с.
66. Social Media and immigration in our difficult times: Examples from Europe and the US //URL:http://rabida.uhu.es/dspace/bitstream/handle/10272/13675/Social_media_and_immigration.pdf?sequence=4 (дата обращения: 08.10.2018).
67. Mass media discourse: A critical analysis research agenda // Faiz Sathi Abdullah URL: http://www.academia.edu/5570981/Mass_media_discourse_A_critical_analysis_research_agenda (дата обращения: 08.10.2018).
68. Жизнь без мужчин. Жёны мигрантов — о России, миграции и жизни без мужей // Россия для всех URL: <https://tjk.rus4all.ru/exclusive/20151111/726296417.html> (дата обращения: 08.10.2018).
69. ЧАСТНЫЙ ДЕТСКИЙ САД: КУДА ТАДЖИКИ ОТДАЮТ СВОИХ ДЕТЕЙ В РОССИИ // URL: <http://www.muhojir.info/news/173> (дата обращения: 08.10.2018).
70. Трудовые мигранты обзаводятся в России «вторыми женами» // Радио Азаттык URL: <https://rus.azattyq.org/a/rossia-trudovye-migranty-vtorye-zheny/28107914.html> (дата обращения: 08.10.2018)
71. Ф. Тернер Фронтир в американской истории. М.: Весь мир, 2009. 304 с с.

72. Murthy D. Digital Ethnography: An Examination of the Use of New Technologies for Social Research Digital Ethnography, 2008
73. Б. Андерсон Воображаемые сообщества Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
74. К. Трейси, Дж. Роблз Повседневный разговор. Строеие и отражение идентичности. М.: Гуманитарный центр, 2015. 448 с.
75. Н.А. Мамонтова Кочевание на просторах интернета: репрезентации эвенкийской культуры в контакте // Сибирские исторические исследования. 2014..
76. Holmes S. Methodological and Ethical Considerations in Designing an Internet Study of Quality of Life International Journal of Nursing Studies V 46, Issue 3, March 2009, P. 394-405
77. Е. Абросимова, А. Ардальянова, А. Филипова Сетевая дискуссия на родительском форуме как источник социологических данных: особенности сбора и анализа материалов 2018
78. Полухина Е. В. Онлайн-наблюдение как метод сбора данных // ИНТЕР, 2014. Том. 1. № 7. С. 95-106.
79. Mann C., Stewart F. Internet Communication and Qualitative Research. L.: Sage, 2000. P. 258.
80. Уочбройт Р. Надежность и достоверность: проблема информации в Интернете//Интернет в общественной жизни/пер. с англ. А. Смирнова/редактор амер. издания Варна В. Геринг. М.: Идея пресс, 2006. С. 39–54
81. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М.: Медиум, 1995. — 323 с
82. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. – London: Verso, 2000. 240с
83. мигрант семья // google URL: https://www.google.com/search?biw=1093&bih=506&ei=kD-jW4hs8c2uBOGHhJAD&q=мигрант+семья+&oq=мигрант+семья+&gs_l=psy-ab.3..0i22i30k1110.15435.15435.0.15671.1.1.0.0.0.156.156.0j1.1.0....0...1.1.64.psy-ab..0.1.154....0.fnLjKduLwyU (дата обращения: 08.10.2018).
84. Нелегальных мигрантов от выдворения могут "спасти" их семьи // Гарант.ру URL: <http://www.garant.ru/article/1104106/> (дата обращения: 08.10.2018).
85. Семья мигрантов из Таджикистана четыре года пряталась на свалке от депортации // Такие дела URL: <https://takiedela.ru/news/2017/10/13/migrant-svalka/> (дата обращения: 08.10.2018).
86. Дети мигрантов // Известия URL: <https://iz.ru/635465/natalia-pochinok/deti-migrantov-v-rossii-tri-no-sotcialnoi-adaptacii> (дата обращения: 08.10.2018).
87. Семья – это ощущение дома в любом уголке света, даже если ты мигрант... // ЭтноИнфо URL: <http://www.ethnoinfo.ru/problemy-trudovoj-migracii-broshennyemi/1952-semja-jeto-oshhushhenie-doma-v-ljubom-ugolke-sveta-dazhe-esli-ty-migrant> (дата обращения: 08.10.2018).
88. Высококвалифицированные мигранты в Нидерландах // BLC URL: <http://www.businesslegalconsultancy.com/ru/yummygracyonnoe-pravo/vysokokvalyfyucirovannye-mygranty-v-nyderlandah-gollandyyu/> (дата обращения: 08.10.2018).
89. Дети мигрантов: как им адаптироваться в новых условиях? // "ЭхоМСК URL: <https://echo.msk.ru/programs/poehali/555474-echo/> (дата обращения: 08.10.2018).
90. Трансграничные мигранты в современной России: динамика формирования стереотипов. В.И. Дятлов. Миграции и диаспоры в социокультурном, экономическом и политическом пространстве Сибири. Иркутск, отиск, 2010.

91. Образ мигранта в современных российских СМИ Т.Г. Скребцова. Политическая лингвистика 3(23) Екб, 2007. С.115-118
92. N. Khvorostianov, N. Elias Leave us alone!': Representation of social work in the Russian immigrant media in Israel. 2015
93. Y.-G. Chae Immigrant Media and Communication Processes for Social Change in Korea: A Case Study of Migrant Workers Television, 2008
94. Eberl, Heidenreich, Melzer, Theorin The European media discourse on immigration and its effects: a literature review; Annals of the International Communication Association Vo 42, 2018 - Issue 3
95. R. King, N. Wood Media and Migration: Constructions of Mobility and Difference. Routledge, 2013. 208 с.
96. Дятлов, Дятлова. «Демографическая экспансия»: русско-китайские браки в миграционной мифологии. Вестник СФУ 2018
97. Хромова. Трансграничный брак. Международно-правовой аспект. М.: 2013
98. Bloomberg: Европейки массово беременеют от мигрантов // Русские Афины URL: <https://rua.gr/news/migrantskij-front/23556-bloomberg-evropejki-massovo-beremeneyut-ot-migrantov.html> (дата обращения: 08.10.2018).
99. Замуж за мигранта // Исламский потрал URL: <http://www.muslim-info.com/zamuj-za-migranta.html> (дата обращения: 08.10.2018).<https://rg.ru/2018/02/13/reg-cfo/pochemu-moskvichki-stali-chashche-vyehodit-zamuzh-za-inostrancev.html>
100. Россиянки массово продаются мигрантам // Дни URL: <https://dni.ru/society/2017/3/22/364631.html> (дата обращения: 08.10.2018).
101. Москвички выходят замуж за мигрантов // Новый день URL: <https://newdaynews.ru/moscow/268275.html> (дата обращения: 08.10.2018).
102. Таджики меняют своих жен на русских // Известия URL: <https://iz.ru/news/497682#ixzz1wNZmX7Sy> (дата обращения: 08.10.2018).
103. Выйти замуж за гастарбайтера // Собеседник URL: <https://sobesednik.ru/obshchestvo/vyiti-zamuzh-za-gastarbaitera> (дата обращения: 08.10.2018).
104. Как выйти замуж за иностранца: 4 истории русских девушек // Афиша URL: <https://daily.afisha.ru/relationship/652-kak-vyjti-zamuzh-za-inostranca-4-istorii-russkih-devushek/> (дата обращения: 08.10.2018)
105. Свадьба в кредит - кому платить? // Вуман URL: <http://www.woman.ru/psycho/medley6/thread/4290301/> (дата обращения: 08.10.2018).
106. Как быть если я влюбилась в парня таджика???? // Мэйл.ру URL: <https://otvet.mail.ru/question/72487829> (дата обращения: 08.10.2018).
107. Дочка стала встречаться с парнем другой национальности // Вуман URL: <http://www.woman.ru/reasons/men/thread/4363487/> (дата обращения: 08.10.2018).
108. Межрасовые браки // Чита URL: <http://forum-chita.com/viewtopic.php?f=75&t=177917&sid=dc27627e6548344c5b4bdb827bc6c7f2> (дата обращения: 08.10.2018).
109. Замуж за мигранта // Мэйл.ру URL: https://lady.mail.ru/forum/topic/zamuzh_za_migranta/ (дата обращения: 08.10.2018).
110. Григоричев К.В. Семья на фронтире: повседневность семей новых жителей пригородов, 2018
111. Тимошкин Д., Григоричев К.В. Не-место вне времени: Неопределенность как специфика существования локальностей «постсоветского» города(На примере Иркутска), 2018
112. М. Де Серто Изобретение повседневности. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 330 с.

113. Ersanilli E., Koopmans R. Do Immigrant Integration Policies Matter? A Three-Country Comparison among Turkish Immigrants // *West European Politics*, Vol. 34 (2011), No. 2. P.208-234; 81.
114. Schain M. Immigration Policy and Reactions to Terrorism after September 11 // A. Chebel d'Appolonia and S. Reich (eds.) *Immigration, Integration and Security: America and Europe in Comparative Perspective*. Pittsburgh, Pa.: University of Pittsburgh Press, 2008
115. Joppke C. Successes and Failures of Muslim Integration in France and Germany. // Jennifer L.Hochfield and John H.Mollenkopf (eds.). *Bringing Outsiders In: Transatlantic Perspectives on Immigrant Political Incorporation*. Ithaca, NY: Cornell University Press 2009.
116. Demintseva, E. (2017) Labour migrants in post-Soviet Moscow: patterns of settlement, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 43:15, 2556-2572.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Таблица А.1 - Позитивные и негативные аспекты трудовой миграции для женщин

Позитивные	Негативные
Женщины-иммигрантки все чаще участвуют в рынке труда и добиваются быстрого роста заработной платы	Большое количество образованных женщин-иммигранток, имеющих низкоквалифицированные профессии свидетельствует о значительных препятствиях при въезде.
Женщины с низким уровнем образования достигают паритета заработной платы с сопоставимыми коренными женщинами.	Ошибочное восприятие женщин-иммигранток как второстепенных работников замедляет их интеграцию на рынок труда.
Высокообразованные женщины-иммигрантки переходят от физически тяжелых рабочих мест к работам, требующим более аналитических навыков.	Всестороннее изучение результатов рынка труда женщин-иммигранток затруднено ограничением данных о составе домашних хозяйств и отсутствием данных о тех же женщинах с течением времени (данные группы).
	Высокообразованные женщины-иммигранты не имеют паритета заработной платы или аналитического умения с сопоставимыми коренными женщинами.